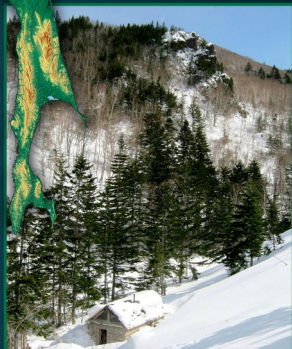

Валерий Маслов
**Записки
сахалинского
таёжника**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАПИСАНО ПЕРОМ»

Валерий Маслов

Записки сахалинского таёжника (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6741878

*Маслов В. Записки сахалинского таёжника. Избранное: ООО «Написано пером»; С.-Петербург;
ISBN 978-5-00071-070-8*

Аннотация

«На юг Сахалина приходит весна. В тайге, в сопках, русла речек, ручьёв начинают освобождаться от снега. Водные артерии взбухают, маленькие ручейки превращаются в серьёзные горные потоки, с грохотом несущиеся вниз, сметая всё на своём пути. Речки становятся непроходимыми. Кругом всё в снегу, – можно сказать, что еще зима, – а мутная, грязная вода грохочет и ревет. Значит, в сопках началось интенсивное таяние снега. Внизу, в поймах, уже полезла так называемая зелёнка: лопух, кислица, крапива, медвежья дудка, полынь и прочая трава. После городской грязи, где с зимы на улицах города кучи песка и шлака – последствия борьбы с гололёдом; после грязного, чуть ли не чёрного снега, лежащего во дворах, – как приятно очутится в пойме нижнего течения какой-нибудь речушки, на свежем зелёном ковре! Зелёный молодой цвет приятно ласкает глаз и душу. На деревьях только-только лопнули почки. А зелёнка уже успела постелить свой яркий, свежий, ароматный ковёр. Зелёный ковёр через месяц превратится в травяные, трудно проходимые джунгли выше человеческого роста. Наступает календарное лето, но даже на юге острова по ночам подмораживает. Можно сказать прямо, что месяц июнь на Сахалине – весна. Дни идут, природа берёт своё, солнышко трудится, не жалея сил. Вода в речках светлеет, идёт на убыль. Значит, таяние снега практически прекратилось. Снег остался на самых верхах, в распадках восточного, северного направления...»

Содержание

Фарсово – Чехов	4
1	7
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Маслов

Записки сахалинского таёжника (сборник)

Фарсово – Чехов

На юг Сахалина приходит весна. В тайге, в сопках, русла речек, ручьёв начинают освобождаться от снега. Водные артерии взбухают, маленькие ручейки превращаются в серьёзные горные потоки, с грохотом несущиеся вниз, сметая всё на своём пути. Речки становятся непроходимыми. Кругом всё в снегу, – можно сказать, что еще зима, – а мутная, грязная вода грохочет и ревёт. Значит, в сопках началось интенсивное таяние снега. Внизу, в поймах, уже полезла так называемая зелёнка: лопух, кислица, крапива, медвежья дудка, полынь и прочая трава.

После городской грязи, где с зимы на улицах города кучи песка и шлака – последствия борьбы с гололёдом; после грязного, чуть ли не чёрного снега, лежащего во дворах, – как приятно очутится в пойме нижнего течения какой-нибудь речушки, на свежем зелёном ковре! Зелёный молодой цвет приятно ласкает глаз и душу. На деревьях только-только лопнули почки. А зелёнка уже успела постелить свой яркий, свежий, ароматный ковёр. Зелёный ковёр через месяц превратится в травяные, трудно проходимые джунгли выше человеческого роста.

Наступает календарное лето, но даже на юге острова по ночам подмораживает. Можно сказать прямо, что месяц июнь на Сахалине – весна. Дни идут, природа берёт своё, солнышко трудится, не жалея сил. Вода в речках светлеет, идёт на убыль. Значит, таяние снега практически прекратилось. Снег остался на самых верхах, в распадках восточного, северного направления.

Народ потянулся в лес, – как говорится, «труба зовёт»! Кто за дикоросами, кто на рыбалку, кто в поход на огород, а кое-кто и в турпоход. Про дикоросы всем ясно, – скажем, подарки природы: папоротник, черемша, крапива, лопух, весенние грибы – сморчки и строчки. Рыбалка она и есть рыбалка. Поход на огород и турпоход – в сущности одно и то же? Не совсем. Да, много общего, но духовные направления разные. Турпоход – мероприятие познавательное. Поход на огород – мероприятие развлекательное.

Турпоход – прохождение какого-либо маршрута. Гитару, магнитофон, водку в турпоход, как правило, не берут. В походе на огороде три выше перечисленные вещи присутствуют, они даже обязательны. Потому что в походе на огород стоят на одном месте, независимо от количества дней и от того, как вы добрались до места дислокации, – с помощью автотранспорта или протащились пару десятков километров по сопкам.

Поход на огород – это отдых на природе с костром, с палаткой, с рыбалкой, с песнями и танцами. В турпоходе, сидя вечером возле костра, почему-то петь не хочется, тем более не хочется танцевать. Хочется скорей просушить вещи, залезть в спальник и делать баиньки.

Походами на огород увлекается большая часть населения многомиллионной страны Советов. Населению других стран тоже не чужд отдых на природе. В СССР с каждым годом армия походников-огородников редееет. Зато с катастрофической быстротой увеличивается армия просто огородников, так называемых дачников. По стране идёт натуральный дачный бум, точнее – шестисоточный бум. Каждой семье – по шесть соток земли!

Ускорение или решение продовольственной программы? Перестройка набирает обороты, правительство решило дать всем по шесть соток? Может, кто выживет с помощью этих

соток? Почему именно шесть соток? Число, цифра понравилась?.. – Вопросов много, точно ответить невозможно, можно только предполагать.

Наверное, пять соток – мало: народ может с голодухи пойти на баррикады раньше запланированного времени. Семь соток – много: пойдут излишки сельхозпродукции, народ разбогатеет. Это еще хуже баррикад. Как говорить, лучше не доест, чем переест! Шесть соток – в самый раз. В стране нерушимых республик свободных земли на каждого хватит по шесть гектаров, ещё лишней земли много останется, очень много!..

Отдыхать в походах на огородах времени не хватает. Народ стал отдыхать на натуральных огородах, на приусадебных участках. Потому что всем охота дожить до завершения перестройки, посмотреть, что получится. Так что приходится отдыхать на «дачах» кому как нравится. Кто с лопатой, кто с тяпкой, кто с граблями, – короче, развлечений масса. Можно музыку включить, вечером можно водочки выпить. Даже нужно, чтоб наутро мышцы не ныли после ударного отдыха. Водка нейтрализует молочную кислоту.

«Мы, – говорит, – в поход не пойдём, мы поедем на дачу отдыхать!» «Мы поедем на свой приусадебный участок, – там ещё больше сотки под «бамбуком», нужно землю возделывать».

– Это будет правдоподобней. Дачи в стране Советов имеют секретари обкомов, генералы. Одним словом, власть имущие на дачах отдыхают. Пока что во всех садоводческих обществах, товариществах, основной повсеместно возделываемый фрукт – картофель! Если быть предельно точным – картофель, кажется, овощ, корнеплод. Но ведь кругом садоводческие, а не овощеводческие товарищества! В садах, как правило, растут фрукты...

После долгой зимы все стараются выбраться на природу, подышать свежим весенним воздухом. Кто на приусадебный участок, кто в лес. Каждый открывает свой сезон. Есть категория туристов, у которых сезон длится круглый год. Само собой, разговор идёт о туристах-походниках, у которых рюкзак и маршрут. А не про тех, у которых билет на самолёт и гостиница. Такой туризм развит у капиталистов.

В стране Советов даже власть имущие редко могут себе позволить поехать на тёплые моря. Как ни как они – слуги народа. Господин народ посмотрит, как слуги круглый год по заграницам мотаются, – роптать господин начнет. У пролетария, то есть у господина народа, даже не всегда хватает отпускных денег, чтоб добраться до Сочи...

Людей, относящихся к категории туристов-походников, всесезоников, мало – единицы. Основная масса народу на эту редкую категорию людей смотрит с опаской: мол, больные ребята, не все у них дома. Разве нормальный человек пойдёт в лес зимой? И при этом разве будет ночевать в обыкновенной летней палатке, закутавшись с головой в летний же спальник?

Советская промышленность изготавливает зимние палатки, пуховые спальники в мизерных объёмах, в основном для полярников, геологов и других исследователей холодных точек страны не рушимой. Полярники предпочитают пользоваться импортной экипировкой. И пользуются. Геологи тоже предпочитают пользоваться импортной зимней экипировкой. Но – не пользуются. – Геолог шарахается по отечественной территории. Его чужие люди, то есть люди из гниющих капиталистических стран, не видят. А полярник – на виду, и, чтоб не опозориться, полярникам закупают импортную зимнюю экипировку. Хотя, стране толку от полярников – как от козла молока. Геолог приносит стране большую пользу.

Если очень захотеть, в СССР можно достать зимнюю экипировку отечественную и даже импортную. Но гораздо быстрее, легче и дешевле сделать зимнюю экипировку самому.

«Больные ребята» шарахаются по тайге, ищут своих домашних, – ведь дома-то у них нет никого. Многие туристы-всесезонники к зрелому возрасту все-таки находят своих домашних и прекращают бегать по сопкам. Про таких товарищей говорят: мол, человек

«взялся за ум». Другой шарахается по тайге до тех пор, пока ноги носят, – видно, его домашнее хорошо спрятались, или он плохо ищет. Про них говорят: мол, седой стал, а ума так и не набрался, не все у него дома!..

Странные люди эти туристы-походники! Как их понять? Проблудить неделю по тайге и ничего не принести. Это не нормально! Если пошёл в лес, то ты должен хоть что-то притащить. И естественно, не охапку хвороста, не мешок речных булыжников. Притащить что-нибудь стоящее, что-нибудь, что можно съесть или продать. – Ты же в тайге был, в лесу! Почему пустой пришёл?

Есть довольно многочисленная категория людей, занимающихся «тихой охотой»: сбором дикоросов. В центральной полосе России, скажем, на Руси, тихая охота – это, в основном, сбор грибов и ягод. На Сахалине, помимо грибов и ягод, можно много чего собирать в тайге. В перестройку появилась особая каста тихих охотников, которые по совхозным полям да по частным огородам дикоросы промышляют. Тихие ночные охотники картофель считают за дикорос!

Сборщик дикоросов, настоящий тихий охотник, – скажем, дневной тихий охотник! Хорошо ходит по тайге, неплохо знает лес, довольно сносно ориентируется на местности и за чем-либо готов идти к чёрту на кулички! Спать возле костра, мёрзнуть, мокнуть под дождём... – Всё выдержит. В турпоход он не пойдёт, тем более, зимой. – Зачем зря ноги бить? Турист-походник – человек с «дурной головой, которая ногам покоя не даёт». – Народное определение.

1

Локомотив плавно стронул четыре пассажирских вагона, и поезд начал набирать обороты. За весь путь, протяжностью больше шести сотен километров, приличные обороты поезд так и не наберёт. До самого посёлка Тымовское – до конечной станции – состав будет плестись, как черепаха. В поезде имеется один купейный вагон, насчитывающий семь купе. Там же находится буфет. Остальные три вагона – общие. Сиденья в вагонах хорошие, мягкие. Не то, что в дизель-поезде, где сидишь на деревяшках, обшитых дерматином.

Зато дизель-поезд на час быстрее добежит до Фирсово!

Гоша с Тимохой в общем вагоне. Им ехать три часа. От Южно-Сахалинска до Фирсово – около восьмидесяти километров. Разделим на три – что у нас получится? А получится, что поезд движется со средней скоростью километров, эдак, двадцать шесть в час. Вычтем станционное время, – выходит в среднем тридцать километров в час. Нудно ехать в северном скором экспрессе...

На дворе – последний день марта. Прошел первый месяц календарной весны. Где-то там, на западе, за Москвой, южней, посевная в полном разгаре. А на Сахалине еще в полном разгаре зима. Весна идёт, верней, ползёт гораздо медленней этого северного скорого экспресса. К тому же экспресс уползает от весны – тащит туристов на север.

Хорошо было бы взять третьим Сашка, но у него нет столько свободного времени, он работает. Гоша с Тимохой тоже работают. У Гоши выходной на две недели. Правда, уже к концу подходит. Парниша три дня отработал в две смены, с восьми утра и до полуночи, и теперь за него будут работать в две смены. Работа у него хоть и сидячая, но не пофилонишь, не поспишь...

На монтаже крупнопанельного дома башенный кран постоянно крутится, что юла. Это на строительстве шлакоблочных домов можно спать на кране. Закинул шлакоблоков, подал раствора – жди, пока каменщики выработают. Три дня отработать в две смены на монтаже – тяжело. Вот на какие жертвы он идёт, чтоб вволю поблудить по сопкам, дать организму тяжелейшие физические нагрузки!..

Маршрут сложный, плюс ограниченно время. В воскресенье вечером нужно быть в посёлке Чехов. В семь вечера с Чехова идет дизель-поезд на Южно-Сахалинск. В распоряжении – три с половиной дня. В понедельник Гоше заступать на вахту. Тимохе тоже в понедельник на работу, правда, в третью смену, можно сказать – во вторник.

Какие ушлые ребята! За трое суток захотели махануть через два хребта. А ведь на дворе зима! Придётся в который раз повториться, вкратце сказать о туристическом маршруте, где предстоит пройти.

Стартовая позиция – река Корица, финишная – река Чеховка. Пройти по реке Корице (основная река называется Корицей) до впадения в неё самого нижнего правобережного притока, берущего свои воды с хребта Шренка. Приток именуется Фирсовкой. В море Корица впадает под названием Фирсовка. С Корицы повернуть на запад, на речку Ломоносовку. По ней подняться на хребет Шренка. По ключу Тигрёнок упасть на реку Найба. Спустится по Найбе до речки Пожарской. По ней подняться на Камышовый хребет и упасть в реку Чеховку. Спустится до устья, до посёлка Чехова. Делов-то – раз, два, три и прошли!..

Пару строк об экипировке. Начнём с парниши Тимохи. Он – главный, ведущий, рассказчик всего того, что с ним произошло.

Лыжи «Тайга», рюкзак станковый рамный «Турист-2», палатка «Пионер». Из шнуровки рюкзака на двадцать сантиметров выше клапана торчит чехол с трубками для сборки дуг. Матрас пляжный, спальник мешок на синтепоне, котелок солдатский. Личная посуда –

миска из нержавеющей стали, ложка, кружка эмалированная. Фонарик на три батарейки, ножовка, разборная снеговая лопатка. Тёплые вещи, так называемая, сменка, комбинезон, трико, свитер, носки, кеды, куртка «Аляска», шубенки.

Два фотоаппарата «Зенит-11» с негативной чёрно-белой и обрабатываемой плёнками. Мелкие фотопринадлежности, запас плёнки, туристический дневник, компас, транзистор, лыжная мазь, сигареты, спички. Продуктов в рюкзаке не много.

У Гоши картофельный рюкзак объёмом ведра на три: матрас, спальник, большой пятилитровый котелок, топор, фонарик. Тёплые вещи, личная посуда, аптечка, набор лыжника – пассатижи, отвёртка. Почти все продукты – у него в рюкзаке. Продуктов особо не брали: хлеб, чай, сахар кусковой, тушенка, суп в пакетах, сухари чайные, немного вермишели, картошки, соль.

Высчитали все тютетька в тютетьку! Гоша, было, хотел сахара по кусочкам, по счёту взять. Напарник запротестовал в грубой форме, обругал товарища с ног до головы. Ограниченный запас продуктов – третья ошибка зимних туристов-походников. Послушал дурак Тимоха, умного Гошу...

Первую ошибку, самую грубую, сделали ещё в январе, когда покупали лыжи. От первой ошибки сразу родилась вторая грубая ошибка. Нужно было брать жесткие крепления! – На мягких креплениях только по полям ходить. В связи с мягкими креплениями идут в «дуги». Собрались на маршрут, как дилетанты, хотя по сопкам уже ползали будь здоров! Были маршруты протяженностью в неделю, – постоянно брали продукты с запасом. В этот раз бес попутал: Тимоха даже не взял лишнего курева. Забоялся поломаться от лишней пачки? Лишний вес! – Папиросы-то литые из свинца!..

Почему выбрали маршрут Фирсово – Чехов, а не какой-нибудь другой? Наверное, вопрос нужно поставить иначе. Почему ребят заклинило на данном маршруте, а не на каком-нибудь другом?! Да потому, что уперлись, что бараны, в это Фирсово – Чехов! Статья в газете «Советский Сахалин» здесь не играет никакой роли. Гоша заразил Тимоху данным маршрутом. Лично у Тимохи на этот раз будет четвертая попытка, у Гоши – третья попытка с Фирсово добраться до Чехова.

Первая совместная попытка была пять лет назад, в восемьдесят третьем году. В том году, весной, пытались – да обратно в Фирсово вернулись. Визуально узнали, что на пути в Чехов не один, а, оказывается, два хребта! Только после этого заглянули в более-менее подробную карту юга Сахалина. В начале лета того же прошлого года один охотовед всё-таки рассказал путь с Фирсово в Чехов сквозь тайгу. Будь этот охотовед трижды неладен! Алкоголик с дипломом охотоведа! Бывалый таёжник, с чужих слов. Тимоха поверил человеку: как-никак – охотовед путь-дорожку объяснил!..

Во второй половине июня того же прошлого года рванул в тайгу. Правда, с другим напарником. Шесть суток блудили по сопкам. На западное побережье все-таки вылезли. Только на полсотни километров северней посёлка Чехов. Падали по реке Чёрной, вышли в посёлок Урожайное. Теперь туристы-походники стали чаще заглядывать в топографические карты. В том году дело дошло до анекдота. Залезли на высокую гору. А потом, в городе у Гоши дома, решили посмотреть в атласе Сахалина, как эта гора называется и какой высоты...

(Вообще-то, в Союзе Нерушимом большинство топографических карт, которые доступны населению, предназначены только для врагов страны нерушимой и свободной, для шпионов, для диверсантов. Пошел враг по такой карте в определённый пункт и сгинул в тайге или снова вышел на исходную точку! Если глубоко задуматься, сам народ – враг свободной Страны Советов, враг государства. Государство – это КПСС, а партия боится своего народа. Сильно боится! Так боится, что топографические карты, слизанные у японцев, секретят от своего горячо любимого народа).

После выхода из тайги по речке Чёрной в посёлок Урожайное Тимоха сделал по карте кое-какие сверки. На карте обозначены речки Чёрная, Новоселовка, Чеховка, по Найбе обозначены только два притока – Красноярка и Большой Такой. На Корице вообще не обозначено ни одного притока. Разве можно руководствоваться такими картами? А что сделаешь? – Приходится. Ходить по тайге, сверяясь с такими хитрыми картами, это уже своеобразный экстрим. На карте обозначена гора Шпанберг, самый южный тысячник на Камышовом хребте. Шпанберг на какие-то метры ниже пика Чехова, который находится на Сусунайском хребте. Туристы Шпанберг оставили с юга, поэтому упали в Чёрную речку. Гору нужно держать с севера, тогда упадёшь в речку Чеховку. На этот раз перевалят хребет Шренка, дойдут до верховьев реки Пожарской как по нотам.

Дальше надо будит немножко думать. Больше смотреть, чем думать, если погода позволит осмотреться. Много думать нельзя – быстро устаешь. Кстати, на всех новых картах гора Шпанберг называется Спамберг. Есть пояснения, сродни с анекдотом, но больно пахнет идиотизмом: гора Спамберг названа в честь датчанина, служившего в России, – Мартына Шпанберга!..

Нет, это ложь: на старых картах гора называлась Шпанберг. Потом получилась опечатка, она распространилась. Ну, с какого перепуга гору в честь Шпанберга назвали Спампергом? Гору в честь известного товарища Петрова называли горой Иванова! Тимоха ещё в восемьдесят третьем году от Гоши слышал правильное название данной горы, и не только от него. Гоша в середине семидесятых годов отдыхал на турбазе «Озеро Верхнее». Ходил в походы по отрогам горы Шпанберг, а не Спамберг.

Через много лет парниша залез в Интернет. Был такой русский офицер датского происхождения Мартын Шпанберг, он исследовал Камчатку, Курилы, на Сахалине, правда, не был. А такого деятеля – Спамберга – вообще не существует! Только гора на Сахалине, названная в честь Мартына Шпанберга! Идиотизм какой-то!..

Много думать нельзя – быстро устаешь. Он что, перерабатывает, сидя в кабинете? У него умственная работа! – Так говорят те, которые никогда не думали своей головой, даже не пытались. Что им пытаться, если нечем думать? В мозгу всего одна поперечная извилина – которая держит уши...

Психологическая, нервная усталость переносится гораздо тяжелее физической усталости. Первую ночь начавшегося маршрута, если получится, ребята проведут в зимовье на речке Ломоносовке. В конце января избушку не нашли. Может, сгорела, а может, не дошли. Тимоха склоняется ко второй версии. В связи с предполагаемой ночёвкой в избушке, отправились на скором северном экспрессе, а не на пятичасовом дизель-поезде.

Экспресс остановился на станции Фирсово. Давно уже не посёлок: «станция» больше подходит к этому населённому пункту. Даже можно сказать – полустанок. Был когда-то посёлок, теперь два десятка домов. В зимнее время половина домов пустует. Южнее, на правом берегу Фирсовки, у самого синего моря стоит пограничная застава. Так что граница на замке!

Спрашивается: зачем здесь нужен этот замок?! Охотское море – территориальные воды Советского Союза. С восточного побережья Сахалина в Японию не сбежишь, – на Курилах перехватят! Что говорить про Охотское море? Татарский пролив – и тот по обе стороны в погранзаставах. Бережёт партия свой народ: внутри милиция, снаружи пограничники берегут. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..

Стоянка поезда – одна минута. И впрямь, как скорый курьерский! Туристы быстро десантировались с опостылевшего за три часа вагона. На дворе полдень. Поезд из города отправился в десять сорок утра, плюс три часа кралась к нужной станции. Температура нулевая, солнышка не видно. Хмарь кругом стоит, море до самого горизонта сковано припаем. – Пока что на Сахалине зима в полной власти.

Сняли чехлы с дров, встали на лыжи или на дрова. Или надели – то ли дрова, то ли лыжи. Короче, пошли по полям на юг, в обратную сторону, немного забирая западней. Лыжи фактически не утопают: наста как такового нет, просто снег осел, уплотнился. На старом снеге лежит тонкое, свежее, чисто белое покрывало. Значит, ночью здесь слегка сыпал снежок. Лыжи катят прекрасно, идти одно удовольствие! Вес рюкзаков самый ходовой – где-то около двадцати килограмм, никак не больше. Так что можно первый часок радоваться природе, лёгкому лыжному ходу. Потом будет не до этого.

Река Корица или Фирсовка – кому как нравится. Тимохе и Гоше Корица больше нравится, и по справедливости. С географической точки зрения это неправильно: до речки Корицы больше двух часов хода. Так вот, Корица по Сахалинским меркам – река средних размеров. По рыбацкому счастью Корица считается одной из самых рыбных, фартовых речек юга острова. Рыбаков сюда много ездит. Особенно в середине мая, когда по большой, мутной воде поднимается рыба голец.

Летом на Корице мелочёвка здорово клюёт. В августе река кишит горбушей. Разумеется, и медведя хватает. Косолапые ни на кого не нападают. Живут мишки тихо, мирно, травку жуют, иногда рыбу. По сплетням рыбаков-любителей, на реке Фирсовке медведи каждый год загрызают минимум по десятку рыбаков. Кстати, сплетники-рыбаки не слышали про речку Корицу, – это название им незнакомо. Они по Фирсовке выше быков никогда не поднимались. Самые смелые рыбаки доходили до Плачущей скалы.

На мостовых быках туристы-всесезонники вышли на широкое, ровное русло реки, стали на перекур, точней – сели. Делается это просто: ногами аккуратно утаптывается снег, рядом с ямкой кладется лыжа. На лыжу бросаешь шубенки, садишься на рукавицы и куришь. Старые бетонные мостовые быки – японского производства. У японцев везде были хорошие дороги. На многих реках острова до сих пор стоят бетонные быки. Умели японцы строить!..

Русские тоже могут строить. Есть одна небольшая разница. Японцы для себя строили, русские – для плана, для пятилетки. Хорошая дорога – половина успеха. Многие страны эту истину хорошо знают, давно поняли. В стране с развитым социализмом, ну, никак не хотят понимать данной истины! – Строят мосты спустя рукава, даже на дорогах федерального значения. Мост построили, – вдруг неожиданно весна пришла. Почему-то вода в речке поднялась выше установленного партией уровня! Новый мост нужно ремонтировать. Японские мостовые быки простояли больше полсотни лет и еще столько же простоят! Им не страшны никакие тайфуны, неожиданное вешение воды...

Два туриста идут вверх по руслу реки, можно сказать: по равнине идут. Правый берег – высоченная каменная отвесная стена метров за сто высотой. К левому берегу прижимается сопка, местами скалы. Хвойный лес на самых верхах.

Тишина начинает давить на уши, слышен только слабый шорох лыж. Разговаривать не хочется. Тимоха включил транзистор, покрутил настройку. Приёмник не поет и не говорит, – только шипенье на разных тонах: маленький диапазон, плохой приёмник, ни черта не ловит. Советская радиоэлектронная промышленность начала гнать сплошной брак. Потихоньку перестраиваются! Никому не могло придти в голову, что отечественная радиоэлектронная промышленность замерзает. В скором времени заморозят почти всю промышленность супердержавы...

В городе, рядом с телецентром, транзистор отлично работал! Стоило выехать за город – всё, тишина. Нарушение прав потребителя? – Нет, это чистой воды обман потребителя!

Приёмник нужно отремонтировать. Подошел к прижиму левого берега, со всего маху произвел ремонт. Куски пластмассы разлетелись в разные стороны, в руках остался только ремешок. Он пригодится – в тайге нужны всякие разные верёвочки. Транзистор купит новый, другой марки. Может, тот будет работать? Зачем через всю тайгу тащить лишний вес? Не мог

просто взять выкинуть приёмник в снег – жалко. Вдруг кто пойдёт, да найдёт целый приёмник, обрадуется дармовщине?! Теперь только плату найдут с радиодетальями и динамиком.

Нет, не найдут плату! Гоша подобрал плату, положил на выступ скалы, снял топор. Рубящий инструмент у него на поясе, в специальном чехле. Напарник обухом топора расплющил плату. Вот такие они нехорошие, два товарища, – ни себе ни людям. Напарники стоят друг друга. После коварной, циничной расправы над транзистором обоим как-то легче стало на душе и физически. Пар, что ли, выпустили, накопившийся в цивилизованном развитии, но почему-то перестраивающемся обществе? Возможно, и так.

За мостовыми быками Корица с юго-восточного направления поворачивает на северо-восточное направление. Так что теперь идут на северо-запад, больше забирая к северу. Отвесные скалы правого берега сошли на нет. Открылась небольшая пойма. Устье первого притока, речка Фирсовка. Корицу в основном питают притоки с хребта Шренка. С восточного приморского хребта в Корицу впадают только небольшие ручейки.

Правый берег выше первого притока стал похож на тайгу: сопки, поросшие молодым ельником. Левый берег периодически выставляет напоказ свои прижимы, на склонах левого берега преобладают лиственные породы деревьев. Берёза, ольха, рябина, ельник на самых верхах.

Второй перекур сделали на устье Ломоносовке. – Быстро, однако, дошли, играючи, без какого-либо напряжения. Путь пока что ровный, уставать негде. Но потом прошибло чрезмерно.

Всего-навсего – застоялись, организм поднакопил шлаков. Сильно пить хочется.

Выше устья, где Ломоносовка вьёт замысловатые петли по пойме, есть места с открытой водой. Как подобраться к воде? Снежные обрывы за два метра. Гоша из кармана рюкзака достал эмалированную кружку, бухточку капронового шнура. Привязал конец шнура к кружке так, чтобы она, наполненная водой, не сыграла вверх дном.

Проблему, связанную с обезвоживанием организма, решили в два счёта: на раз – Тимоха решил, на два – Гоша напился водицы. Ох, и водичка, ох, и вкусна! Правда, зубы ломит – холодна больно. Речная водичка после городской водопроводной воды – как небо и земля! Наступила календарная весна. На горводоканале хлорки столько сыпят, что от закрытого водопроводного крана несёт хлоркой, не говоря уже о воде...

Сфотографировались с кружкой в руках. На заднем плане – глубокая снежная яма с открытой водой.

Ровный путь закончился, и на небольших подъёмах лыжи стали стрелять назад. Пока падений не было. Чтоб не было падений дальше, нужно намазать лыжи. Точней, подбить под колодку фиолетовой плюсовой мазью. Стоит самую малость переборщить мази, – лыжи начнут собирать свежее ночное покрывало. Быстренько проделали эту процедуру, вперёд-назад. Лыжи скользить стали отвратительно, зато хорошо держат на подъёмах, снег не налипает.

Пойму, где речка рисует петли, срезали по правой стороне, прошли у самого начала сопки. Срезали довольно много. Тимоха хорошо знает, как здесь речка петляет, – пришлось прогуляться по руслу, по всем кривунам. Пока что идут, скажем, по проторенному зимнему пути. Прошли место, где в январе костёр жгли, – проторенный путь закончился.

Полчаса ходу, и на пути – точно такая же развилка. Такая, да не совсем. На этой развилке рельеф знаком. Больно схожи развилки, – кругом молодой ельник. Вначале пятидесятих реку Корицу вместе с притоками выкосили подчистую. Многие реки острова были выпилены под корень, под ноль. Многие реки острова голые и по сей день. Корица – одна из немногих речек, которая самостоятельно покрылась молодой еловой порослью.

Вылезли с русла реки на левую сторону, на небольшую пойменную поляну. Взяли вправо, немного поднялись, почти до начала молодого ельника. Ура! На этот раз ребята

победили! На сегодняшний день победили, – полная победа лежит в посёлке Чехов. Зимовье стоит на своём прежнем месте. Значит, в январе, перепутал развилки, когда вил петли в поисках избы. Совсем немного не дошел до следующей, до нужной развилки. Хорошо, что не дошел. Не надо посещать зимовья во время пушного промысла. Тем более данную избу: здесь охотится главный охотник Сахалина. Это не будка на ключе в районе реки Жуковки. – Отличное охотничье зимовье, избушка.

Изба на две трети под снегом, на крыше – приличный сугроб. Вход в сени занавешен солдатским одеялом. Сбросили рюкзаки, сняли лыжи, по снегу, как с горки, съехали в сени. Давненько здесь никого не было. Замело вход, в сени снега прилично надуло, несмотря на одеяло, служащие в качестве двери. Как говорится, курица – не птица, одеяло – не дверь. Дверь в саму избу с торца, смещена вправо и нараспашку. Охотник, видно, забыл дверь закрыть. Он всё время забывает закрывать дверь! Далеки ребята от промысловой охоты, от жизни в зимовьях.

Зашли в избу. Слева в углу печка, за ней маленький стол. Над столом небольшое окно. Над окном полка с посудой. Дальше до торца нары одноместные. На торце по центру еще окно, под ним стол размерами больше первого. По правой глухой стене на всю длину нары. В избе три спальных места. Много постельного белья, матрасов, одеял, гора подушек. Три спальных места, а белья в два раза больше. Короче, в этом доме жить можно. Увиденным остались довольны. Гоша был поражен! Тимоха был поражен в том году в июне месяце.

В этот раз он был сильно удивлен: над торцевым окном висит портрет главного перестройщика – портрет Горбачёва, вырезанный из газеты. Странно, почему изображение отца русской демократии совершенно цело? И вообще, кто его повесил на стенку? Первый и единственный раз встретил такое место, где висит портрет Горбачёва. Висит по зову сердца, а не по зову партии. Правда, повесил портрет явно не пролетариат, – этот человек не вкусил всех прелестей перестройки. Он не стоял в очередях за водкой, за сахаром, курево у него было постоянно и мыло со стиральным порошком...

Заташили в избу рюкзаки. Тимоха, как главный истопник, завёл печку. Печурка ребятам понравилась, – классно сделано! На верху, на плите вырезан кружок диаметром сантиметров пятнадцать. Кружок прикрыт кусочком жести. На этой печке, по понятиям двух туристов, варить гораздо быстрее. Да уж! Каждый с ума сходит по-своему, в этом случае – явный перебор! С печкой, с кружком на плите охотник перемудрил. До такой степени перемудрил, что, в глазах профессиональных таёжников и охотников, хозяин зимовья с данной печкой опозорится. Классной печка показалась двум туристам, которые в таёжной охотничьей жизни – полные дилетанты!..

Набрали снега в пластмассовое ведро, в чайник и в большую кастрюлю. Ведро поставили на полку в печном углу, железную посуду – на печку. Натопили снега. Поставили водичку под чай. В печке весело трещат дровишки. Переоделись в сухие вещи, висевшие в зимовье. Ходовую робу развесили в печном углу, – там набито множество гвоздей. Чай поспел, почаёвничали. Отдохнули с полчаса. Гоша в который раз удивил своими способностями сыщика. Правильней будет – своими шушарскими способностями. Парниша лежит на нарах, пускает дым в потолок.

Напарник внимательно осмотрел пол. Полы в избе застелены досками. Взял топор, оторвал одну доску. Тимохин внутренний голос пропел: «Обломись, незнакомый прохожий!». Гоша всё мечтает в лесу в зимовьях найти оружие. Это значит, что он считает всех глупей себя! Или себя умнее всех. Умный человек в зимовье оружие не спрячет. Держи карман шире!..

А Гоше хочется, чтоб спрятали оружие.

Допустим, Тимохе много чего хочется, но он молчит, ведёт себя в избушках как таёжный джентльмен! Гоша себя ведёт, как отпетая крыса Шушера. Под оторванной доской – небольшой склад консервов говяжьей тушенки и сгущенного молока. Надо же, именно эту, нужную доску оторвал! Профессиональная шушарка!

Гоша – шушарка опытная, профессионализм здесь не при чём. Этому не научишься, это у него в крови. Всё проверит, в каждую щель сунет свой нос. – Вдруг в щели ружьё или пулемёт? Консервы не трогали, доску на место поставили. Если охотник прячет консервы, значит, в избушке бывают гости. Скорей всего по лету. Весной Корицу не перейти...

Два туриста – не гости: они проходом, у них цель, маршрут. Гости – это праздношатающиеся по тайге. Есть такая категория людей. Кстати, Тимоха к данной категории подходит по всем параметрам: любит пожить в лесу, при этом ничем не занимаясь. Он соблюдает законы тайги. Странно: охотник прячет банки, а в сенях на виду лежит ящик капканов. Кому нужны эти железяки? Были бы капканы новые, Гоша бы втихушку прихватил десяток.

Тимоха поставил вариться супчик, – он в лесу исполняет обязанности шеф-повара. С составляющими будущего супчика особо не мудрил: немного картошки, две пачки рисового супа и банку говяжьей тушенки. Фотографировались на фоне зимовья. Позировали с колуном, с лыжами, с медвежьим черепом. Одним словом – туристы.

Ужинали при свете керосиновой лампы, хотя на улице ещё светло. В зимовье – что в погребе: окна почти полностью засыпаны снегом. В избе есть транзистор, он разговаривает и даже поёт. Приёмник работает отлично! На средних волнах берёт «Маяк», «Молодёжный канал», радио «Юность». На дальних волнах – «Радио-1». На транзисторе также есть короткие волны. Размеры его – со стандартный двухволновый приёмник.

Впоследствии купит себе такой же приёмник, «Россия-101». Не сразу – дерьма на прилавках полно, транзисторы марки «Россия» на прилавках долго не залеживаются. Дефицит распространяется даже на хорошие транзисторы! Буквально на всё распространяется дефицит. Как сказал Михаил Жванецкий: «Всё нормально, Григорий? – Отлично, Константин! Всего хватает, всего в достатке. Просто нас больно много развелось. Широка моя страна родная, и ничего в ней не хватает на всех!».

В будущем Тимоха станет строить избы, скажем, под ключ. Планировка внутри избушек будет, как на Ломоносовском зимовье. – Считает, что такая планировка классическая, лучше не бывает. Когда это будет?..

А пока что завтра они уйдут, дверь задраят наглухо, как в подводной лодке, да еще лопатой подопрут! Фотографировались при свете керосиновой лампы. Парниша работал ручной выдержкой, Гошу научил. Точней, сказал, сколько секунд держать шторки фотоаппарата открытыми. Струбина и тросик для ручного спуска входят в туристический комплект фотопринадлежностей.

В девять часов вечера легли спать. Зачем керосин жечь? Завтра день тяжёлый: надо перевалить хребет Шренка. Так что спать легли пораньше. Нет, товарищи туристы! Вы что, в гостинице находитесь? – Вы находитесь в охотничьем зимовье! Охотник пожил да ушёл. Он здесь не хозяин. Хозяева – те, кто постоянно здесь живёт. Хозяева голодные, холодные. А тут тепло пришло, появилось, чем поживиться, что погрызть. Только загасили лампу, – хозяева пошли в атаку по всем направлениям. Узнали ребята, что есть на самом деле охотничье зимовье! В будке на речке Жуковке не было такого беспредела...

Мыши стали бегать по столу. Загрелась крышка на кастрюле с супом, стоявшей на полу. Тимоха направил луч фонарика на кастрюлю. Десяток мышей – кто на кастрюле, кто рядом – на мгновение замерли. Бросились врассыпную, попрятались, твари серые.

Поспали, называется. Подъём! Парниша зажжёт лампу. Пол пачки сахара раскиданы по столу. Расчувствовались как дома, сахар оставили на столе. На кастрюлю пришлось положить топор, сахар и хлеб убрать. Два куса хлеба мыши успели не то схарчить, не то утащить.

Грызуны обнаглели, при горящей лампе стали бегать по избе, запрыгивая на столы, на нары. Озверели, что ли? Воевали с мышами до двух часов ночи. Со стороны мышей потерь нет – больно юркие, быстрые, сволочи!

У ребят потери, измеряемые нервными клетками, огромные! Да лучше бы это зимовьё сгорело! Спали бы в палатке! Холодно, зато спокойно, нервные клетки в целостности и сохранности. Сон всё-таки сморил бойцов. Засыпая, Тимоха с ужасом думал: «Как охотники здесь живут?». Ему стало жалко охотников. Прожил неделю в зимовье – и прямым ходом, не заезжая домой, в больницу, в неврологическое отделение.

Спал недолго. Муха разбудила: на нос села. Какие мухи ночью зимой? Муха слетела, снова на нос села. А почему муха не жужжит? Немая? Открыл глаза, луна как раз в окно светит. Перед лицом на подушке сидит мышка, большая, жирная и пушистая, сволочь! Обнюхивает туристическую рожу, думает, с чего начать: то ли нос отгрызть, то ли губу схарчить?

Подпрыгнул в положении лёжа. Оказывается, по носу мышь усами прошлась и не один раз. Сон как отрубил! Наверху, на чердаке, стадо мышей: грызуны пищат, бегают, прыгают. Потолок из досок и, несмотря на то, что сверху слой земли, слышимость отличная. Можно подумать, что на чердаке бегают мыши размерами с кошку. Поспали, называется. Подъём номер два!..

Зажжёт лампу, завёл печку. В избе свежо. Гоша тоже поднялся, – ему мыши хотели ноги откусить, пятки грызли! Попили чаю, сидят, торопят время: скорей бы рассвет! Матерят мышей, а им маты – что об стенку горох. Но бегать по избе прекратили. Мыши, наверное, догадались, что Тимоха на грани срыва. Вот-вот схватится за топор. Получится как в мультфильме «Ну, погоди!», когда волк со штангой гонялся за бабочкой и в итоге разнёс полстадиона. Парниша разнесёт зимовьё полностью, это не стадион, – избушка маленькая! Вот вам и джентльмен таёжный! Гостеприимное зимовье, мыши от избытка чувств лезут целоваться. Радости-то сколько! – Наконец-то к ним тепло пришло!..

Скоро туристы уйдут – будет вам тепло, твари серые. Здесь мыши не серые, скорей коричневые, симпатичные, однако, сволочи. Шубки больно красивые. Мышки сбитые, пухленькие, что шарики меховые. Не то, что мыши, живущие в домах под полом, – длинные, худые, противные. А характер, видно, один. Грызун, он что в лесу, что в хате под полом – в уме одно: кабы что сгрызть. Раньше Тимоха думал, что в тайге самый страшный зверь – комар. Ошибался. Оказывается, самый страшный зверь – мышь, и не только в тайге. Недаром слон мышку боится.

Комар – зверюга сезонная, мышь – зверюга постоянная, вечно голодная. Нервы треплет круглый год. Кровь, которую выпьет комар, восстанавливается быстро. Нервные клетки, как говорят врачи, не восстанавливаются. Так что по логике вещей мышь – самый страшный зверь. Вреда от него много! Про пользу говорить не будем: мышь сразу реабилитируется, и уже никакой грязью мышку-норушку не зальёшь! Мышка – главное подопытное млекопитающее в области медицины.

Перед рассветом позавтракали, помыли посуду, которой пользовались. Из рюкзаков, кроме продуктов, в сущности, ничего не доставали. Рюкзаки собраны. Прибрались в избе. Сказать спасибо этому дому язык не поворачивается. Да чтоб пара горностаев поселилась по соседству! Дверь закрыть не забыли, – они молодые, память хорошая. На всякий случай, дверь лопатой подперли. В книгах так написано, а то в зимовье зверь зайдёт, напакостит. Уже встречали избушки с дверью, припёртой именно лопатой, – значит, правильно написано в книгах!

Вот поэтому охотники-промысловики не любят на своём участке праздношатающихся товарищей. Тимоха из избы ничего не возьмёт, но он глупее пробки. Да лучше бы взял что-нибудь на сувенир, а дверь оставил открытой нараспашку. – Наглухо закрытое зимовье весной начинает преть. Охотник может прийти «на избу» только к началу промыслового сезона. За полгода в избе с закрытой дверью появляется грибок, начинает гнить буквально всё.

Рассвело. Медленно, крупными хлопьями падает снежок. Тишина, ветер отсутствует, река под снегом. Кроме двух туристов в тайге некому шуметь. Лыжи намазали плюсовой мазью. Вперёд, на запад! Это так говорится: «Вперёд, на запад, на Берлин!». На самом деле речка постоянно пишет кривуны. Помимо запада приходится идти на юг и на север, только на восток хода нет.

Лыжи на подъёмах держат хорошо. Распадок постепенно сужается, градус подъёма увеличивается. «Дрова» совершенно не скользят, – небольшое налипание снега. Лыжи собирают. Свежевыпавший снег – пока налипание терпимо. Спокойно идут вверх без какого-либо напряжения в ожидании отдачи.

Неожиданно появилась проблема посерьёзней налипания снега. Называется проблема – мягкое крепление. Ремешки отсырели, потеряли упругость, стали, что тряпки. При отрыве лыжи от снега дровина чуть ли не крутится на ноге. Лыжи совершенно не слушаются! Гоша от такого неудобства страдает меньше: у него крепления почти новые. Тимоха на тренировке на своих лыжах крепления измочалил.

Вся проблема в широком ремешке, который продет через платформу. Главный, несущий ремешок. Данную проблему в лесу никак не решить. Знают решение! – До них дошло, почему на охотничьих лыжах, спрятанных в ельнике по пути на речку Браконьерку, стояли железные крепления, то есть жёсткие.

Добрались до водопада Монтана. – Парниша так окрестил водопад в том году. В название нет нечего общего с американским штатом. «Монтана» на молодежном сленге – бранное слово. Имеется ряд цензурных переводов. «Монтана» – это «всё», «конец», «крышка», «кранты». Короче, очень плохо.

В том году в начале лета проходил здесь с соседом Андрюхой. Вода была ещё приличная, в верхах местами лежал снег. Водопад пришлось обходить по сопке, по правому склону распадка. На сопке, прямо над водопадом, возьми, да развяжись ремешок на фотоаппарате! – «Зенит» ушёл вниз, попал в яму водопада. С одной стороны – повезло: если бы аппарат попал на камни, то пиши пропало. А так – полтора суток сушил в полевых условиях. Фотоаппарат заработал. Куда он денется? – Сделано в СССР!..

Водопад взяли в лоб. Самого водопада не видно, вода минимальная, снег всё попрятал. Снежная полуметровая стена полностью перекрыла узкий распадок. Гоша подсказал Тимоху, тот вылез наверх. Принял рюкзаки, с помощью лыжи помог напарнику залезть на выступ. Сразу за водопадом повернули на девяносто градусов.

Вот теперь путь пошёл строго на запад, по крутому, длинному, прямому распадку. Впереди наверху хорошо видно глубокую седловину. По ней будут переваливать на западную сторону хребта Шренка. Ельник остался внизу. По обе стороны – крутые белые склоны с редко торчащими корявыми берёзами. Налипание снега – сантиметров за десять. Ноги поднимаются с трудом. Зато лыжи держат на такой крутизне!

– Тимоха, давай лыжи перемажем! – кричит снизу Гоша.

– Если перемажем, то не залезем. Как будто непонятно! – зло кричит Тимоха в ответ.

Наверху ломовой ветер, парниша вырвался вперёд на добрых полсотни метров. Приходится кричать, рвать горло, отвечая на глупое предложение. Да, тяжело ползти наверх,

очень тяжело, но прежде, чем предлагать что-либо сделать, надо подумать! Понравилось лыжи мазать?

Шаг, ещё шаг и снова шаг. Секунд двадцать постоял и дальше – очередные три шага. Каждая дровина стала весить килограмм за десять. Тимоха дышит, как загнанный паровоз, весь в мыле. Несмотря на ломовой, холодный ветер, с носа капает пот. Гоше ещё тяжелей – у него зимой лежачий образ жизни. Диван плюс телевизор плюс книга. Чему это равно? У каждого по-разному! Но сумма, то есть итог, один – поликлиника, врач-терапевт.

Поднялся до поворота, опять же, в девяносто градусов. Распадок идёт с юга. Подъём по распадку стал пологим, – им туда не надо. Парниша знает, он здесь был. Нужно продолжать двигаться строго на запад, прямо в лоб по склону градусов за полста. Вот только как это сделать? Выход единственный – пешком.

Надо пробовать этот единственный выход. Расстегнул на креплениях ремешки. Осторожно одной ногой ступил на снег. Сразу повеселел: нога ушла в снег всего сантиметров на пятнадцать! Потоптался, попрыгал, – прекрасно держит. Отлично! Пятьдесят метров подъёма преодолеть легко. Снег плотный, – ветер постарался: на верхах постоянно выдувы. Покурил в рукав, иначе никак – ветер рвёт. Гоша подтянулся. Ножам очистили лыжи от налипшего, спрессованного снега.

За ремешки креплений взяли в каждую руку по лыже. Полезли наверх. Десять минут ходу, и ребята на перевале. На западе всё белым бело. На первый взгляд показалось, что на Найбе снега больше, чем на Корице. Всего-навсего в верховьях Найбы ельника мало. Лесорубы в этом случае не виноваты. Верха Найбы труднодоступны, потому что леса мало. А был бы лес – и верха Найбы сделали бы легкодоступными для автомобиля марки «Жигули».

Хребет Шренка – отрог Камышового центрального хребта острова. Протяженность Шренка – километров восемьдесят. Основное направление хребта – южное. Хребет постепенно забирает на восток, давая дорогу растущей реке Найбе. Шренка с восточной стороны питает реку Корицу. С западной стороны подпитывает реку Найбу. С западной стороны хребет круче, ключи небольшие, довольно короткие в сравнении с ключами на восточной стороне хребта. Основные воды Найба получает с Камышового хребта. Внизу Найбе достаются воды Сусунайского хребта. Найба – самая крупная река юга Сахалина.

На Шренка самая высокая точка – гора Рудановского. Немного недотягивает до тысячника, какие-то метры. Серьезная вершина для восхождения. Тропы отсутствуют, крутые склоны. Два туриста уже успели побывать на горе Рудановского. В данное время гора от ребят километрах в пяти северней. С геодезической точки, на которой находятся, горы не видно: они в глубокой седловине.

Растительность на хребтах юга острова одинакова везде. Снег и берёзы. – Шутка! Первое место занимают кедровый стланник и бамбук. Из деревьев преобладает каменная берёза, растёт ель, пихта – три породы деревьев, которые растут на самих хребтах. Много ягодников черничника, встречаются брусничники. Пока что – шутка! В действительности на хребтах кроме снега и берез ничего не увидишь, никого не встретишь.

На хребте ветер чуть с ног не сносит, несмотря на то, что находятся в глубокой седловине. Ветер юго-западный, как раз в седловину дует, что в трубу. Туристы насквозь мокрые от пота. – Надо срочно падать в Найбу: продует, и не помогут надетые на перевале куртки. Сначала свалятся в ключ Тигрёнок, он на Найбу выведет.

На западе склон круче, чем с восточной стороны. Зачем лыжи в руках тащить? Пусть сами едут, решил Тимоха, запустил свои дрова вниз. Лыжи за секунду слетели со склона, промчались по распадку, скрылись за левым поворотом.

Дровишки уехали. Далеко ли?..

– Тимоха, ты что творишь? Поломаются лыжи, что делать будишь? Всё, смерть! Где мы находимся?

Парниша с удивлением посмотрел на товарища. Странно, однако, спрашивает: «Где мы находимся?». Неужели опять погнал? Как в том году по осени на Камышовом хребте в верховьях реки Лазовой. В этот раз-то с чего гнать? Медведи пока что делают баиньки. А может, где-то мелькнул снежный человек?.. Нет, Гоша всегда такой осторожный, продуманный, как ему кажется.

– Слушай, Гоша, эти лыжи под трактор гусеничный бросай – ничего с ними не случится. А вот трактор может разуться, – сказал Тимоха и побежал вниз.

Напарник спускается следом, свои дрова держит в руках. Его осторожность, граничащая с идиотизмом, парнишу из себя выводит. Как ляпнет что-нибудь на полном серьёзе – хоть стой, хоть падай! Пёс с ним, пусть тащит свои дрова...

Ушёл за поворот – лыж не видать. Спустился ниже, повернул направо. Одну дровину нашёл, вторая дровина вписалась в третий поворот, проскочила. Далеко, однако, лыжи уехали. Хорошо, что снег держит. Иначе бы Гоша позлорадствовал, попытался бы прочесть поучительную нотацию о технике безопасности в тайге.

Склоны распадка по обе стороны чистые, да хоть были бы скалы или большие открытые камни – лыжи бы ударились о препятствие и отскочили без серьёзных повреждений. Такие лыжи можно поломать только топором. При этом изрядно вспотев.

Подобрал вторую лыжу – ещё метров сто прошёлся пешком. Всё, вязнет по колено. Ветра здесь нет, можно спокойно покурить. Гоша на лыжи станет намного раньше. Он килограмм на двадцать пять тяжелей. Тимоха худой, лёгкий, но сильный! Его выносливости завидуют все, Гоша не исключение. Это плохо, когда тебе завидуют в деле, которое не купишь ни за какие деньги. Потому что людская зависть не знает границ. Здоровье – это такая собственность, на которую не существует верительных документов. Есть сотни способов незаконного отъёма квартиры, автомобиля, прочего имущества, так же есть много способов вернуть отобранное. Способов отъёма здоровья – миллионы, и полностью ты уже никогда его не вернёшь. А неполное – это не здоровье.

Из-за поворота выехал товарищ Гоша. Лыжи перемазывать не стали. Если не шагать, то фактически не будет налипания снега. Гоша это подтвердил. Парниша надел лыжи, поехал вниз. Неудобно с рюкзаком спускаться, когда лыжи плохо управляемы, вообще не хорошо. Скорость набирается моментально. Приходится гасить скорость, залетая на склон распадка. Падать нельзя – сзади Гоша едет. А вот ему падать можно – сзади никого, и он пользуется этим: раз можно, значить, надо падать.

Тимоха не мастер горнолыжного спорта – приходится падать, быстро вставать, хотя от напарника оторвался на расстояние вне видимости. Вдруг, когда будешь лежать, Гоша выскочит из-за поворота?..

Такими зигзагообразными рывками, временами с падениями, преодолели крутой отрезок пути. Дальше пошло легче. Тигрёнок проскочили за полтора часа. Быстро, однако, упрямились.

Вышли на Найбу. Широкая, ровная снежная дорога, зимний тракт. На перекур остановились на кривуне, у высоченной скалы левого берега. Скала – отвесная каменная стена высотой с десятиэтажный дом. Первым делом перемазали лыжи светло-зелёной мазью. Падает крупными хлопьями снег и слышен комариный звон. «Неужели, доходил до звона в ушах или до слуховых галлюцинаций?» – подумал Тимоха, посмотрел на товарища. Понял без слов, что Гоша тоже слышит комара.

Показался сам виновник «галлюциногенного торжества» – крутится возле Гошиного лица! Голодные все одинаковы – что комар, что человек: бросаются на самое большое, чего

много! Гоша выглядит гораздо аппетитней Тимохи. Сегодня первое апреля. День дураков или День юмора, – кому как нравится. Зима. Медленно крупными хлопьями падает мокрый снег и комар летает. Кому расскажи, – не поверит! Значит, сегодня не день юмора, а день дураков!

Объяснение простое. Где-нибудь на пойменном дереве, в углубление или выемке, растаял снег, образовалось немного водички. В этой выемке комар в том году в дождливую погоду яйца отложил. Личинки вылупились. Солнышко греет, вода нагревается. Личинка развилась раньше положенного времени. Личинка комара быстро развивается, – парниша на практике знает: когда-то был неплохим аквариумистом. Личинки комара, каретры, отличный живой корм для аквариумных рыбок.

Комар вылетел, скажем – получил путёвку в жизнь. Путёвка оказалась не по сезону! Жрать-то комару нечего, верней, некого. За птичкой ему не угнаться. Да птичка и сама комара схарчит.

Косолапый ещё дрыхнет. А тут Гоша подвернулся на голодное комариное брюхо! Пришлось пожалеть насекомое, спасти от голодной смерти. Забрал Гоша путёвку у комара: хлоп! несильно. Ребята ещё убедились, что это именно комар, – провели, так сказать, экспертизу. Точно, он: крупный комар был...

До реки Пожарской шли, точней будет – тащились три часа. По Найбе рыхлый снег, не пухляк. Ребята пока не знают такого понятия – снег-пухляк, не встречались. Получается довольно глубокая лыжня, сантиметров за двадцать. Шли, меняясь через каждые двести метров. На этом отрезке пути вымотались гораздо больше, чем когда махали через хребет. Тимоха не берется утверждать со сто процентной уверенностью, что стоит напротив устья реки Пожарской. – Не был на самом устье.

На Пожарскую попали с речки Нижняя Угольная. Это второй приток начинающейся Найбы. Пожарская по карте – третий приток. Руководствуется картой. У них, правда, нет карты, – только видели подробную карту, запомнили то, что успели. Ладно, какое бы ни было название у правобережного притока Найбы, бивуак надо ставить здесь, на этой речке, время поджимает, да и устали, однако.

Устье реки с двух сторон зажато сопками, поросшими ельником. Правый берег крутой. В метрах пятидесяти от устья начинаются осыпи. На левом берегу сопка отступает на север. В полутора сотнях метров от устья ельник уже стоит на равнине, смешавшись с пойменным лесом. Ещё полторы сотни метров вверх по течению, и на левом берегу начинается большая, широкая пойма. Для верховьев такие большие поймы – редкость. В ельнике, недалеко от края поймы, преступили к разбивки бивуака.

Речка под боком, а Найба – в двухстах метрах ниже. Тимоха собрал снеговую лопатку, вручил инструмент Гоше, а сам занялся костром. В пойме свалил небольшую ольху, отпилил четыре чурки, каждая – около полуметра длиной. Лыжами утоптал снег на месте будущего очага, уложил ольховые чурки, на них развёл огонь. О наличии сушняка говорить не стоит. В смешанных лесах, где ель, пихта, берёза, ива, ольха, у самой поймы тополя стоят, – сушняка навалом, хоть разводи пионерский костёр!

Что парниша и сделал. Не любитель он пионерских костров, но в зимнем случае чем сильнее огонь, тем быстрее костёр опустится на землю. Если есть возможность, надо делать большой огонь. Если нет такой возможности, надо искать другое место. Чтоб появилась возможность соорудить пионерский костёр.

Костровая яма – отличное укрытие от ветра, от мороза. В снеговые стены ямы втыкаешь шесты, прутья, развешиваешь вещи на просушку. Сегодня есть, что сушить: всю робу, в которой шли, до трусов включительно. Гоша убрал с полметра снега, подготовил площадку

под палатку. Можно было бы поставить палатку наверху. Ребята подумали, что если их временное жилище немного вкопать в снег, будет теплей.

...В недалёком будущем придётся частенько слышать идиотский вопрос: «Снега навалило, зимовье присыпало, снизу дуть перестало, – тепло в избушке стало, да, Тимоха?». – Ответ: «Ага, без снега прохладно в избе было, снизу сифонило ужас как. Снежком присыпало, печку на улицу выбросил, чтоб не мешалась в избе!». Также думают туристы-походники. Через год, опять же в паре с Гошей, будут лопатить по два метра снега, ставить палатку на мёрзлой земле. Естественно, будет присутствовать пихтовая подушка, надувные пляжные матрасы. А вот тепло присутствовать не будет...

Костёр всё ниже и ниже. Гоша закончил стелить лапник под подушку. Пора ставить палатку. Парниша доработал свою палатку: по внутренним полукруглым швам, на двух торцевых окружностях, пришил по пять двойных шнурков. Вот и вся доработка. Натянул дно, низ палатки. Собрал дугу, держа её за концы впереди себя, залез в лежащую на снегу палатку, установил первую дугу у задней стенке, привязал пришитыми шнурками. Вылез, воткнул колья, закрепил две задние растяжки. – Одна стена стоит.

Также – со второй дугой, на входной стенке. Подтянул растяжки, – всё, палатка стоит! Ставится гораздо быстрее классической палатки, потому что на четыре растяжки меньше. Бивуак готов. Костровую яму расширили, чтоб можно было сидеть спокойно, не жарясь от огня. Переоделись в сухие вещи. Ходовую робу – на просушку. На ужин сварили коронное блюдо туристов-походников: вермишель с тушенкой! Это всё равно, что макароны по-флотски, – быстро, вкусно, питательно.

За ужином произошёл неприятный разговор. Тимоха ждал этого разговора, был на распутье на счет завтрашнего дня – всё не мог решить, куда завтра двигаться: по Найбе в посёлок Быков или одному идти в Чехов? У него нет топора, часы отсутствуют. Стало ясно и понятно, что не уложатся в отведённое для маршрута время. Всё ждал, когда Гоша разговор начнёт.

Товарищ тянул. Долго тянул. Вышесказанное парниша начал прокручивать в уме, когда тащились по Найбе. Нехорошо напарник начал разговор. Может, всё получилось бы по-другому, начини он разговор нормально, как положено старшему товарищу!.. В сущности, ничего страшного не случится. Что ни делается – всё к лучшему.

– Я завтра, Тимоха, по Найбе в Быков иду. Не успеем мы за два дня.

Вот так он начал разговор. Сказал бы: пошли в Быков! А то: я иду, а ты, мол, как хочешь. Тимоху эти слова зацепили конкретно. Он уж больше не гадал, куда завтра будет держать путь: курс – на Камышовый хребет!..

– Я пойду на Камышовый, у меня день в запасе. На этот раз я в Чехов обязательно выйду!

– Ты тоже не успеешь, пошли лучше в Быков, Найбу посмотрим.

– Что на неё смотреть? Я сверху насмотрелся.

Если бы Гоша сразу начал разговор этой фразой, парниша бы пошёл с ним в Быков. В тайге без топора, да ещё зимой, как-то неуютно. Теперь он не возьмёт свои слова назад. Обратной дороги нет. Здесь уже дело принципа. Сразу злобу загасить не смог, и всё: эмоции взяли верх над здравым рассудком.

– Тимоха, у тебя же ни топора, ни часов. Ты хоть думай, что говоришь. Я тебе свой топор не дам. С продуктов могу выделить только банку тушенки. Неизвестно, сколько буду до Быкова идти.

– Ножовка есть, компас есть. Дойду, – зло бросил парниша слова в напарника.

Гоша замолчал – понял, что своим разговором раздражает нервного товарища. Его опасно раздражать, он не медведь:

раздраженный косолапый нападёт в одном случае из ста, раздраженный Тимоха в одном случае из ста не нападёт!..

Чай пили молча. Второй чай пили молча. Парниша дождался, пока высохнет ходовая роба, полез в палатку баиньки делать. Гоша долго сидел у костра, всё думал.

...Ночь для Тимохи прошла отлично, хорошо спал! Он вообще-то человек морозоустойчивый, не было никакого мороза. Гоша частенько в походах мерзнет, летом шерстяные носки одевает. Тимоха летом наоборот – последние снимает, чтоб ноги отдохнули. И этой ночью Гоше холодно было. Потому что костёр горит с раннего утра. Парниша под утро просыпался, напарника в палатке уже не было, а из ямы мерцали отблески костра.

Завтракали молча. Гоша бы с удовольствием заговорил. Он хорошо знает: если напарник замкнулся в себе, то с ним лучше не разговаривать, – можно поссориться на неопределённый срок. Тимоха обойдется без Гоши, когда один пойдёт в тайгу, когда напарника подберёт. Он хоть язва конкретная, но с ним ходят люди в тайгу. Гоше не найти напарника на серьёзный маршрут. Всего-навсего – не может искать, не имеет нужного подхода к людям.

Такого напарника как парниша ему и подавно не найти! Потому, что тот, недолго думая, соглашается на любую лесную авантюру. Вчера вечером у костра это была не ссора. – Было гораздо хуже и жестче! Как только Гоша приедет с вахты, сразу придёт к Тимохе, – товарищи станут делиться впечатлениями.

Совершенно разные люди, оба – с тяжелейшими характерами. Их связывает тайга. Гоша оставил парнише банку тушенки, естественно, его долю продуктов. Эта доля фактически на один сегодняшний день. Ведь рассчитывали завтра выйти в Чехов. По Найбе до посёлка Быкова Гоша будет идти четырнадцать часов.

2

Дороги двух туристов разошлись. Один пошёл на юг, второй остался сидеть возле костра. Снова заварил чаю. Пил чай и думал: кто же не прав? Хотел придумать себе оправдание, но с этой затеей ничего не получилось. На душе характерный нехороший осадок, потому что как ни крути – на этот раз неправ он.

Если не попадёт на работу, – поставят прогул. Выйдет на работу на следующий день. Если Гоша не попадет на свою работу, – на следующий день он не выйдет на работу. За ним одним вертолёт Ми-8 гонять не будут. Нужно было идти в Быков. Ещё не поздно – по пробитой лыжне Гошу можно быстро догнать. Нет, Тимоха решил идти на Камышовый хребет.

Гоша вчера сидел у костра, думку думал, переживал, как парниша без топора пойдёт? – Переживал совсем по другому поводу! За себя переживал. Если с Тимохой что-то случится и он сгинет в тайге, – виноват будет Гоша. На него ляжет вина: это он протянул время до упора, все ждал тёплой погоды. Дождался, а времени в обрез. С продуктами он намудрил, всё высчитывал, боялся поломаться.

Если Тимоха сгинет в тайге, его самого совесть мучить не будет! Его больше ничего не будет мучить. Гоше первое время придется тяжело. Не потащит же он парнишу по Найбе на аркане. Сначала надо головой думать, прежде чем говорить! «Я пойду в Быков», – ну, и скатертью дорожка! Тимоха пойдёт в Чехов.

Свернул бивуак, собрался, пошёл по речке Пожарской, а может, и не по Пожарской. Пошёл на Камышовый хребет без топора, но с ножовкой. Без часов, но с компасом. При пасмурной погоде по компасу определить время – всё равно, что термометром мерить артериальное давление!

С продуктами негусто: банка тушенки, пачка супа, немного вермишели, сахар, чай, сухарики, хлеб. Всего по чуть-чуть, две пачки сигарет овальных не фильтрованных. От «Беломора» кашель, фильтрованные сигареты слабые. Стал курить сигареты «Астра», класс пятый, – чисто пролетарское курево, потому что дешевое. Может себе позволит курить дорогие сигареты. Но где их взять? Ведь он живёт в самой счастливой стране во всём мире! Страна счастливая, люди в этой стране счастливые не очень, так, слегка счастливые! Зато много счастья, точнее, счастье часто приходит, может заявляться по двадцать раз на дню.

Послезавтра к вечеру должен быть в Чехове. Если бы весь путь прошёл гладко, без каких-либо происшествий, – не послезавтра, а завтра к вечеру был бы в Чехове. Прошёл бы сквозь Камышовый хребет на голицах – голых, не подшитых лыжах с мягкими креплениями. На лыжах с такими креплениями только по полям да по поймам ходить. В тайге зимой бывает гладким один снежный покров, да и тот не всегда гладкий...

Остался Тимоха один. Плохо это или хорошо? Нормально. Не нужно ни с кем советоваться, даже ради приличия. Не на кого надеяться, а также, что немаловажно, – не за кого отвечать: отвечаешь сам за себя, сам себе хозяин. Одному только плохо, точнее, неудобно фотографироваться. Обязательно нужно память оставить о таком серьезном маршруте. На двух имеющихся фотоаппаратах есть автоспуски, все приспособления в наличии. – Переживёт и это. Не станет сам себя фотографировать, будет не до фотографий. Снимет гору Шпанберг, три ночевки. Всего сделает кадров тридцать.

Знакомый охотовед, тот самый, с длинным языком, рассказывал: когда на промысловом участке охотится один человек, – это грубейшее нарушение техники безопасности. Может, выдумали такие правила люди, которые боятся тайги?.. С годами парниша поймёт, чем вызвано данное правило. Заботятся не о безопасности охотника. Мол, с одним что случись, – другой помощь окажет. Совсем не так! Вдвоем тяжелей соболей «левачить»! Боятся

это делать: а вдруг напарник сдаст? Сдавали и продолжают сдавать с потрохами. Ведь это Россия!..

Ну что, турист-одиночка, вздрогнул? Лыжи катят нормально, больно глубокую лыжную режут. На этой реке тоже русло по пойме петли вьёт. Пошёл на запад, держась сопки правого берега, напрямик. По ельнику идти легче. Пойма осталось позади. Пошёл веселей: выше снег плотней, – лыжня режется глубиной сантиметров пять. Подошёл к развилке. Устроил второй перекур. Распадок с запада и распадок с севера...

Теперь точно скажет, что это река Пожарская. Правда, в том году речку Пожарскую принял за реку Десну. Был он здесь, на развилку вышли с северного распадка. Ночь стояли в пойме. Утром пошли по западному распадку прямо. Это основная речка, она больше северного притока. В данное время всё под снегом, и, если ты здесь впервые, – трудно определить, где основной ключ. Распадки по размерам, в сущности, одинаковые.

На развилке покурив, пошёл прямо, на запад. Путь-дорожка потихоньку забирает наверх. Преодолею «подарок», стал на третий перекур. Минут пятнадцать потратил на преодоление «подарка». Распадок сужается, с двух сторон – крутые склоны градусов по семьдесят. Прямо на пути – большая яма с открытой водой. В яме много мальмы. От воды метра на два отвесные снежные стены. Пришлось брать выше, чтоб в яму не уехать, – бить глубокую лыжню поперёк крутого склона. Опасное это дело, – лыжи не слушаются.

Такие «подарки» – занесённые снегом водопады или большие пороги. Что порог, что водопад – в сущности, одно и то же. Впереди его ждёт большущий водопад. Как там будет?..

Тепло, идёт без варежек, взмок. Пролез ещё три аналогичных «подарка». Тимоха не может успокоиться, потому что в ямах полно мальмы. Остается только облизываться: ни снастей, ни наживки нет, да и не до рыбалки, – время ограничено. Гоши нет, тот бы здорово расстроился, созерцая полные аквариумы мальмы.

Наконец-то подошел к тому самому большому водопаду. Здесь хорошо слышно шум падающей воды. Камни наполовину открыты. Сверху водопада свисает большой снежный козырёк. От самой ямы, метра на три, водопад открыт. По краям, по склонам здесь не пройти. До скалы пробиться можно. – А дальше как? Сдавать обратно задним ходом на лыжах, которые не слушаются? – Через метр в яме окажешься. Если ухнешься в яму глубиной метра полтора – без просторней помощи не выберешься, не успеешь. Пока будешь барахтаться, попытаешься подняться по отвесной снежной стене за два метра высотой, успеешь околеть. Произойдёт переохлаждение организма.

Рисковать не стал. Кто не рискует, тот не пьёт шампанское. Не будет рисковать, зато потом водки выпьет. Не любит газированную воду, хотя и с градусом. Кто любит шампанское – пусть рискует! Можно рискнуть и так напиться по самое не хочу, правда, не шампанского: вода в речке вкусная, но её много! Мальмы в яме полно. Парниша уверен, что рыба будет не рада такому соседу!

Решил обходить водопад по правой стороне, по ельнику. Это единственный вариант: подъём короткий, градус – как перед перевалом на хребет Шренка. По левой стороне распадка впритык с водопадом – огромная сопка со скалами. Взял метров двадцать южнее водопада, наметил место подъема.

Снял лыжи – сразу ушёл в снег почти по пояс! Продвинулся на шаг – и уже по грудь в снегу. На отрог высотой не больше пятнадцати метров лез, наверное, часа два с перекуром, оставляя за собой глубокую траншею. Впереди себя втыкает лыжи в снег, хватается за дерево, ногами утрамбовывает снег на шаг впереди.

В одном месте ухнулся в снег по шею так быстро, как будто в воду ушёл. С утрамбовкой вязнет немного выше пояса. На коленках на крутой подъём не залезешь. Хорошо, что кругом ельник. А может наоборот? – На открытом участке, может, снег плотней? Да не может, а

точно плотней! Самое главное – не упустить лыжи: скатятся вниз, как раз в яму попадут. Здесь такой рельеф, что все дороги идут в яму водопада. Почему и приходится на каждом шагу всаживать дрова задниками в снег по самые платформы.

Забрался наверх. Отрог острый, полтора метра и сразу спуск в узенький распадок. Зато склон совершенно чистый, немного положе. Маленький распадок идёт с юга. Надел лыжи, съехал вниз, срезая склон, на юг. На подбитых лыжах так бы и поднялся с той стороны за каких-то пять минут. Развернулся, дошёл до основного ключа. В пяти метрах от начала чёртового водопада устроил перекур. Вытряхнул снег с «дутьшей», с ветровки. Внизу, возле земли, как такового снега нет, – мелкозернистый лёд. Проникает в любую щелку, что вода.

Покурил, отдышался, взмок от пота и от снега. Вон, внизу лыжня, по прямой – всего двадцать метров. А сколько времени угробил на преодоление мизерного расстояния! Время временем, а подъем его убил: он никакой, еле на ногах стоит. Нужно идти вперед. Тимоха находится в верхах Камышового хребта. Сегодня надо обязательно перевалить на западную сторону! Перед водопадом ключ на девяносто градусов меняет направление, с южного на восточное...

Будто зомби, пошёл на север.

Пока облазил водопад, включился автопилот – соображалка отключилась. Автопилот автоматически переключается, чтоб не произошло перегрузки! После водопада подъем по распадку стал пологим: распадок узкий, пойма фактически отсутствует. Какая пойма? – Находится в самих верхах. На Камышовом хребте много верховых пойм. Сработал автомат – включилась соображалка: впереди препятствие! Да что ты будешь делать! Специально, что ли, всё это?

Впереди метров двадцать открытой воды: ручей почти полностью открыт, водичка журчит. Глубина десять-двадцать сантиметров. А турист-то в «дутьшах»! Был бы в болотных сапогах – никаких проблем: снял лыжи и так бы на автопилоте и прошёл... Это – третья грубая ошибка на данном маршруте.

Внизу вода закрыта. На верхах – пожалуйста, пейте! Спасибо, не хочется. Как назло, на участке с открытой водой распадок – что ущелье. Дальше, за открытой водой, начинается узкая пойма. Начал обходить воду: где по снеговым островкам, где по краю преодолел препятствие. Автопилот снова взял управление на себя.

Около километра прошёл без происшествий. Лётчик посмотрел в левый иллюминатор. Мать честная, а куда мы летим? Тормози! На левом траверсе – вершина до боли знакомая, где-то пилот эту горку видел. Соображалка включилась с трудом, – видно, контакты то ли залипли, то ли подгорели. Да это же Шпанберг (на самом деле это гора Якутская)!..

Вытащил компас, – и точно: вершина на западе! А он прёт строго на север. Снова в Чёрную речку упадёт. Как стало обидно! – Выть захотелось! Сдержался. Кого здесь стесняться? Себя любимого обласкал десятиэтажным матом. Люди своих врагов так не ругают, как он самого себя! – Кого здесь стесняться?..

Разворачивается, чуть ли не бегом – обратно. Такое чувство, что вот-вот темнеть начнёт. Надо срочно становиться на ночь.

На западе – склон чистый и крутой, чуть ли не стена. Наверху молодой ельник. На преодоление десятиметрового подъёма градусов в семьдесят – ни времени, ни сил. Полез на восток. Здесь леса мало, пихтовые стоят кучками по пять, по шесть деревьев, разрозненные берёзы да ольха.

Дал по тормозам у первой попавшейся на пути сухой молоденькой ёлки. Сбросил рюкзак, снял лыжи. Здесь можно ходить без лыж: проваливаешься на половину голенищ «дутьшей».

Немного потоптался, и площадка – хоть пляши! Самое время для танцев, ситуация подходящая врезать гопака!.. Спиллил сушину, с этой же ёлки наломал веток (рядом больше не видно сушняка). Кучку веток – в сторонку: на завтра, на растопку. Раскидал ёлку на чурки.

Точно темнеет! Чувство времени не подвело... Дожился! – Стал врать внаглую! Остановился на склоне с одной худой ёлкой на дрова. Подвело чувство времени, ещё как подвело! – Можно сказать, в последний момент стал на ночь. Завел небольшой костерок. Дровишки нужно экономить, ведь находится не где-нибудь, а в лесу! Где в лесу дров взять?..

Пока варился супчик из пачки концентрированного супа с макаронными изделиями, устроил спальное место. Сегодняшней ночью решил обойтись без палатки. Спонтанный бивуак находится на склоне, здесь негде палатку ставить. Надул матрас и окончательно выбился из сил. Матрас скользит по снегу, – ночью можно уехать в ручей, если по пути дерево не поймает. Слышно, как на открытой воде ручей журчит. До того места – около километра, может быть, немного больше. Нет посторонних шумов, слышимость отличная.

Что же придумать?.. Выравнивать место под лёжку – сил нет. Сделал проще, быстрее: воткнул в снег лыжи по самые платформы – получился стопор в ногах. Бросил матрас, на нем расстелил палатку. «Дутыши» пристроил возле огня, – пусть хоть немного просохнут. Сушить ходовую робу не стал. На чём сушить? – Дров нет...

Чтоб соорудить сушилку, нужно рогажки, шесты пилить. Сегодня будет спать в ходовой, сырой робе. Если ночью припрёт, то переоденется. Судя по погоде, не припрёт дедушка Мороз...

Покушал супчика как-то без аппетита, съел все до капли. Обтер снегом котелок, повесил на огонь снега для чая.

Сидит турист возле маленького костерка, ждёт чай, думку думает, мыслит, размышляет. Первое – оно же пока главное – окурки, то есть бычки так называемые, нужно в пакетик складывать: до послезавтрашнего вечера курить не хватит. Хотел, было, экономить, – ничего не получается!.. Первое, а второго нет. Продукты экономить? Было бы что! – Нечего экономить.

Без пищи протянет – не неделю же будет идти до Чехова! А вот без курева тяжело станет. Вспомнил одну вещь, – ему плохо стало. Потому и стал думать об экономии.

Слышал от людей, что на западном побережье юга острова весна приходит немного раньше, чем, допустим, в Сусунайскую долину. Если бы не открытый ручей, об этом бы и не вспомнил. – Когда собирались на маршрут, об этом даже не думали! Хотя, Гоше следовало бы знать, что на западном побережье весна немного раньше: больше десяти лет прожил на западном побережье! В Чехове частый гость.

Тимоха всё пытается во всех своих бедах обвинить Гошу. Старший товарищ здесь ни при чём! – Голову лечить надо. Пил чай при свете потухающего костра. Залез в спальник. Под далекое, тихое журчанье ручья сон сморил быстро, да почти мгновенно...

Спал как убитый! – Это нездоровый сон. Что сделаешь, кому сейчас легко? Когда очнулся, было уже светло. Сколько, интересно, времени? Такое чувство, что проснулся довольно поздно: небо плотно затянуто белой пеленой, солнышка не видно, также как и в предыдущие дни. С остатков дров завел костерок, вскипятил воды на кружку чая. Попил вприкуску с двумя сухариками. – Завтрак дистрофика! Всё-таки, по мере возможности, надо продукты экономить. Кто знает, сколько суток придется пилить до Чехова?

Настроился на худшие, настроился конкретно! – Этот настрой здорово поможет в пути. Настрой на худшее не давал расслабиться, раскиснуть. Одел сухие «дутыши». Сапожки просохли, правда, голенища местами оплавилась. Собрал пожитки. Пошёл верхом на юг, – решил верхом обойти открытую воду. Вовремя вспомнил склон левого берега ручья, ближе к водопаду: обрыв, из снега торчат гольцы. Слетел вниз, на ручей, – чуть не убили: на ско-

рости лыжи совершенно не проваливаются. Открытую воду по вчерашним следам обошёл быстро. Вчера здесь потерял около получаса.

Первый перекур устроил на старом месте, над водопадом. Дальше пошёл по тому самому маленькому распадку, откуда выехал после двухчасового барахтанья в снегу. Метров триста прошёл в южном направлении, с западным уклоном. Крутой поворот – сразу начался серьёзный подъём.

Полез по распадку на запад. Шагает, с силой опуская лыжи на снег, чтоб не стреляли. Два выстрела проворонил, – оба попали в цель, наповал! Ругаясь, поднимается на ноги и дальше лезет. Забрался на самый верх. Ничего понять не может: куда взобрался – основной хребет или отрог? Для полного счастья осталось только крутануться и снова в Найбу упасть, как в том году.

На западе множество коротких отрогов. Чёрт ногу сломит прежде, чем разберется в этом хаосе хребтов и сопок. На севере всё ясно-понятно: возвышается большой каменный холм. Шпанберг, наверное. – Тимоха стал во всём сомневается: не был на Шпанберге, боится крутануться. Если упадёт опять в Найбу, будет убит морально, опозорится перед самим собой. Нельзя повторять ошибки! Как известно, на ошибках учатся, и если ты повторяешь ту же ошибку, то ты – полный дурак!..

Прошёл пару километров по хребту на юг, пока точно не убедился: да, это основной хребет, Камышовый. Нужно подать на западную сторону. Больно круто, склон похлеще, чем на Шренка. Камышовый хребет приходилось махать в разных точках юга острова. Везде одно и то же: с восточной стороны на сам хребет заходишь почти играючи, с западной стороны – чуть ли не обрывы, наикрутейшие склоны, поросшие бамбуком. На этот раз хоть бамбука нет!

Снял лыжи. А вот здесь снег прессованный, вообще не проваливаешься. Спускался осторожно, давая сильную нагрузку на пятки. Сегодня плюсовая температура, снег, попавший на лыжи, быстро превращается в воду. Хотя солнышка не видно. Пора таять снегу, – пошёл второй месяц весны. А в тайге зима.

Спустился до начала распадка, ещё с километр прошёлся пешком. Затем минут пятнадцать напряженной, скоростной езды с падениями на трассе. Одно успокаивает: один он здесь. Упал – можно минутку полежать, снять напряжение в коленях, не боясь, что кто-то сзади наскочит на тебя. Как, допустим, на горнолыжной трассе: упал и быстрее поднимайся, иначе быть беде в образе гипса. Тимоха знает не понаслышке: его не давили, самому приходилось давить! Позавчера, когда со Шренка падали, тоже долго не лежишь, – напарник сзади. Лыжи фактически неуправляемы, ремешки – что тряпки. Падения – это стабильный, проверенный экстренный тормоз.

Выскочил на верховую пойму. Перекурил это дело. Пошёл на юг, слегка забирая к западу. Всё правильно: с южной стороны обходит подножье Шпанберга. С поймы хорошо видно вершину тысячника. Лыжи отказываются идти, бастуют. Топора, наверное, просят! Чего нет – того нет! Снег мокрый, у парниши не только топор отсутствует, но и смолки нет. Смолка – водоотталкивающая жидкая мазь на основе берёзового дёгтя. Смолка уходит в прошлое, пластик вытесняет деревянные лыжи.

Нашёл другой способ заставить лыжи идти. Лыжник-то он со стажем, а иначе неизвестно, что бы с ним было на этом маршруте. Да ничего бы не было, – просто не пошёл бы на серьёзный маршрут.

Развел маленький огонь. Вскипятил чаю прямо в кружке. Прогрел, немного подсушил лыжи. По тёплой, почти горячей рабочей поверхности лыж прошёлся обыкновенной свечкой. Парафина наложил густо, по-хозяйски. Попил чая, опять же, с парой сухариков. Это

– обед: как работаем, так и едим! Кстати, первый обед на данном маршруте. Да, хороший, однако, обед! И главное – полноценный!..

Вперёд! Снова тишина, давящая на уши. Часто хочется тишины, время от времени всем нужна тишина, но не гробовая тишина!

По мокрому снегу лыжи идут фактически бесшумно, сзади остаются две мокрые полосы. Лыжня не режется. Снег плотный для широких лыж...

Хоть бы ворона каркнула! Никто здесь не живёт в это время года. – Что здесь вороне делать? Жрать нечего. Если идущий по пойме турист окочурится, сразу появится стая ворон. Не дождётесь!

Длинная верховая пойма закончилась. Наверное, километров пять прошёл по пойме. Узкий распадок пошёл круто вниз. Снова вышел на горнолыжную трассу, идущую строго на запад. Минут десять пытался завоевать кубок, раз пять уходил в минутный нокдаун. Итого чистого спуска – пять минут. Хорошо, что снег успел съесть с лыж парафин, иначе бы ушёл в вечный нокаут!..

Приз всё-таки получил: выскочил на большую реку. Ну и дела! Не ожидал такого поворота событий! Два часа от перевала – и уже на большой реке. Скорей всего, это Чеховка. Хочется, чтоб эта река была Чеховкой. Река идёт на юг. По карте Чеховка в верхах делает большой полукруг. Все-таки это Чеховка!

Завел костерок, с лыжами проделал ту же операцию, что делал наверху. Чай только не пил. Сколько можно жрать?! По два раза на день обеды устраивать? При такой калорийной пище и сидячей работе недолго и жирком заплыть!

Вперёд, по большой реке! Сегодня автопилот не включается, – видно, что-то сгорело от вчерашней перегрузки или время не подошло. На автопилоте легче идти, а также и лететь. Летчики об этом знают. Распадок извилистый, что змейка, кривун на кривуне. Поворот на юг – поворот на запад, снова поворот на юг – поворот на запад. Высоченные голые каменные осыпи и скалы.

Следующий перекур делал в пойме. Река сменила характер, пошла ровней на запад, по берегам начались приличные поймы. Срезал путь по большой пойме, – место приглянулось: много ивового сухостоя, кругом стоят столбики высотой метров по шесть, толщиной в десяток сантиметров. Кроны и какие-либо ветки отсутствуют. Ближе к сопке растёт берёза, пихта. Всё есть, что нужно для бивуака!..

Пора, наверное, становиться на ночь. Здесь пешком не походишь, проваливаешься по колено и выше. А чего Тимоха боится? Всё равно все шмотки сушить. На лыжах замучаешься крушить на чурки ивовый сухостой.

Сделал громадный костер, – пионерский костёр отдыхает. Даже комсомольский костёр отдыхает! Пламя – метра на четыре, всё кругом тает. Костёр в течение часа опустился на землю. Сушняк под боком масса! – Подходит к ивовому столбику, резкий толчок, сушина полетела на снег. Цепляя, ломает верхушки сухостоин, стоящих поблизости, и сама ломается. Длинные чурки ломал друг о дружку.

Есть выражение: «рубить дрова», в этом случае – «крушить дрова». Быстро с дровами разобрался, накрушил гору дров. Лопаткой подработал костровую яму. Здесь снега больше, чем на Пожарской, – около двух метров. С восточной стороны яму выровнял на двух метровую длину, убрал с метр целинного снега. Возле костра получился топчан. Обустроил лежанку, положил матрас, на нём расстелил палатку, спальник рядом пристроил, не стал рубить лапник. Опробовал свое ложе. – Суперкласс! Здорово, не тепло, а жарко даже без спальника!..

Переоделся в сухую одежду. Ходовые шмотки – на просушку, лыжи пристроил возле костра. Сварил остатки вермишели, заправил банкой тушенки. Получился полный полутора

литровый котелок. Хорошо, на утро останется. Воду под чай решил кипятить в кружке, всё равно уже кружку закоптил. На ночь стал рано, – в самый раз стал! За ужином ночь подкралась. В яме жара, – сидит в футболке, вермишель уплетает.

Наутро вермишели не осталось, схарчил полтора килограмма варева. Вот какой он здоровый на счёт покушать!..

Река закрыта, – опасения насчёт небольшого опережения весны на западном побережье были беспочвенны. Завтра к вечеру будет в Чехове. Надо успеть на семичасовой вечерний дизель-поезд. На работу в третью смену. Дизель с Чехова до Южно-Сахалинска бежит три часа. Итого в двадцать два ноль-ноль будет в городе. Придется сразу идти на объект, – иначе не успеет.

Кажется, приболел, потому что не различает вкуса. На кружку объёмом триста семьдесят пять миллиграмм положил двенадцать кусков сахара – свою двойную норму! Употребляет много сахара. Этого сахара показалось мало. Хотел бросить в кружку оставшиеся шесть кусков – передумал, решил на утро оставить. Больше никогда в жизни не пил чай с таким количеством сахара! После плотного ужина, чтоб жиром не заплыть, полагается курить.

В связи с тем, что осталось всего шесть сигарет, закурил сигарку с книжной бумаги. Книжная бумага не годится – слишком толстая, пробовал крутить с тетрадного листа. Такая же песня, после каждой затяжки сигарка вспыхивает. Всё это хорошо знает, не единожды сталкивался с ограничением курева, но снова и снова пробует. Откуда книжная бумага? – Из книги, вестимо! Теперь у него поднимается рука вырывать листы из книги. Что сделаешь, живём-то где? – В развитом, но почему-то перестраивающемся социализме!..

Слышал, что где-то есть туалетная бумага в рулонах, мягкая и белая. Это же надо, до чего прогресс дошёл! Изобрели туалетную бумагу! Пока не то что пользоваться, – одним глазком не мог взглянуть на это чудо! Прогресс здесь не при чём. Даже у людей, имеющих заграничный видеоманитофон, – а это есть очень круто! – в туалетах лежит нарезанная газета! До чего дошли, точнее, довели, как слепых котят?! Туалетной бумагой в СССР пользуются в верхних эшелонах власти. Для пролетариата есть киоски «Союзпечати» и много книг, половину из которых никто никогда не читал и не будет читать. Эти книги имеются чуть ли не в каждой квартире – сочинения тех, кто вёл народ, как слепых котят, к светлому будущему. Когда народу откроют глаза, – он, народ, поймет, что шел не в ту сторону. – Вообще никуда не шел, а пятился назад.

Сочинения тех «поводырей» читать не обязательно. Иметь надо, – пусть стоят на всякий случай, на душе спокойней! С такими книгами у тебя стопроцентная гарантия от подозрения по теме нелояльности или, того хуже, – антисоветизма! И никакой анонимкой тебя не возьмешь!..

Высушил шмотки, убрал в сторонку лыжи, в костёр подбросил дровишек, залез в спальник. «Аляска» рядом лежит, – жарко, однако. Спальник на половину растегнул...

И в эту ночь спал, будто кувалдой по голове ударили. Очнулся, как с глубокого похмелья. Не проснулся, а очнулся. Светает, спальник присыпан снежком. Забыл полиэтиленом накрыться, хотя приготовил. Жарко было. Начало снегопада проспал. Да, снег сыпал что горох в пустое ведро, – а Тимоха даже не проснулся! Итог, скажем, – нехороший: «аляска» местами сильно намокла, куртка ночью упала с топчана, лежала возле костра. Главное, что не в костёр упала! Спальник принял много влаги. Добавочные килограммы – это ерунда. Река большая, до устья недалеко. Сегодня он будит в Чехове. Должен быть!..

Позавтракал, «пайка дистрофика» уменьшилась: кружка чая и один сухарик. Теперь парниша совершенно счастливый. Обычно, у кого нет часов, – называют счастливым. У него – ни часов, ни покушать: щепоть чаю, три сухарика, четыре сигареты. Плюс окурков в пакетике десятка два. Вот и все туристические запасы.

Переодеваться не стал – всё равно спальная одежда сырая. На нем тёплый болоньевый комбинезон, свитер. Ветровку поверх надел. Собрал пожитки. На горячую жирно намазал лыжи черной мазью «минус двадцать восемь». – Всё равно что парафин. Свечка вчера закончилась. Дрова широкие, мази требуют много. Сегодня с самого утра оставляет за собой две мокрых полосы. – Снег полностью пропитан водой. Значит, ночью был плюс...

Минут двадцать ходу – и первая встреча с открытой рекой. Чем ниже, тем открытой воды больше. Значит, правильно говорили, что на западном побережье весна приходит немного раньше. Приходится идти строго по поймам, по реке опасно идти: пару раз на русле реки под ним ухнул снег и осел огромным пластом. Впервые идёт по такому пути, поэтому стал соблюдать меры предосторожности, – короче, испугался слегка.

На самом деле нет ничего опасного, шансы провалиться в воду равны нулю. Хорошо понимает, что утонуть не получится, – мелко. Река Чеховка немногим меньше Корицы. Утонуть не получится, а искупаться можно. Рановато принимать ванны на природных водоёмах, – в первых числах апреля не купаются, даже на югах необъятной родины... Иногда приходится лезть по прижимам или верхом прижим обходить. Чем ниже, тем это «иногда» всё чаще и чаще. Река уже наполовину открыта.

Автопилот включился, заработал, родимый! Идёт и идёт турист с больной головой вниз по реке. Вдруг правая нога стала лёгкой, он летит носом в мокрый снег. Больно, однако, но больше обидно: как будто кто-то подножку подставил. Медведь что ли не проспался, ерундой занимается? Что могло произойти?

Произошел ужас. ЧП мирового масштаба! Одним словом – монтана! На правой лыже отвалилась платформа. Как говорят в народе, «здравствуйте, девочки, пришли, приехали и приплыли». Можно вёсла сушить, в этом случае – лыжи. И не сушить, а пускать на дрова. Закрутил сигарку, задымил. Что делать?..

С тыльной стороны платформы шурупы-саморезы торчат всего на пять миллиметров. В основном, платформу держал клей, который оказался не водостойким. Зачем водостойким клеем крепить платформу к лыжам? – Откуда зимой в лесу вода? Платформу в рюкзак, лыжи на поводок. Пошёл дальше, точнее, полез. Преодолеет метров триста – дышит как загнанный конь, по пояс мокрый, в «дутьшах» вода хлюпает. Проваливается по пояс в снег! Пробовал, было, продвигаться на коленях, – больно мокро, снег пропитан водой.

До сих пор не может понять, как в кармане рюкзака оказались два гвоздя на семьдесят миллиметров? Спрашивал у хозяина рюкзака, – тот сказал, что с гвоздями дела не имел. Для парниши два гвоздя оказались золотыми! Полез шарить по карманам рюкзака, – а вдруг хоть один гвоздь случайно попал в рюкзак и прижился. Пара прижилась, радости туриста не было придела! Вот вам и счастье. Два гвоздя на семьдесят миллиметров длиной могут сделать человека счастливым! И еще каким счастливым! Но лучше не испытывать данного счастья! Вот в этом случае вмешалась нелёгкая, вынесла седока...

Спустился к реке, залез в воду («дутьши» всё равно хлюпают). – Ноги не ощутили разницы температуры. Нашёл подходящий камень на роль молотка. Где в лесу зимой найти камень? – Только в речке. Поставил платформу на место. На концах платформы, по центру вбил по гвоздю. Загнал по самые шляпки. На рабочей поверхности гвозди загнул к заднику лыжи, по ходу. Ура, отремонтировался!

Дальше пошёл намного быстрее. – Теперь не обходит открытую воду: снимает лыжи, и вперёд. Не попался ни один брод глубиной выше колен. Сколько времени – неизвестно. Судя по тому, что еле на ногах стоит, – наверное, уже вечер. Так устал, что уже второй брод проходит, не снимая лыж. Зачем снимать? – Кругом вода. Заход в речку и выход позволяют, значит – вперед! Короче, автопилот полностью завладел управлением. Нагибаться тяжело. Была бы на креплениях резинка, раз – снял, два – одел. А с ремешками надо долго возиться:

всунуть, просунуть, высунуть, затянуть, ослабить. – Стоять минуту, согнувшись в три погибели, да с рюкзаком на плечах. Для усталого, вымотанного человека это много. Тяжело. Со стороны бы здорово смотрелось: выходит из речки человек на лыжах. Хорошо, что никто не видит. Если это река Чеховка, – посёлок Костромское недалеко от Чехова. В посёлке – дурдом, второй в Сахалинской области. Тимоху сразу определяют в одну палату с Пржевальским. Лыжи «Тайга» стали водно-охотничьими.

Автопилот о перекурах не забывает, – разумеется, перекуры внесены в программу. Садится на рюкзак, закручивает сигарку и дымит с проблесками огня. Чуть сильнее затянется – пых! – загорелась самопальная папироса. Уже брови опалил. Но это можно списать на костёр!..

На левом берегу началась пойма и, похоже, большая. Долго этого ждал! Река повернула на юг. Большая пойма уже на обоих берегах. Тимоха двигается, держась правого берега. Река повернула на запад, на повороте приняла в себя речку поменьше, бегущую с востока. Приток называется – река Крестьянка. Теперь на сто процентов уверен, что идёт по реке Чеховке. Попал всё-таки на нужную реку! А на работу сегодня не попадёт: до устья, судя по карте, километров пятнадцать, – не успеет к вечернему дизель-поезду. Река стала намного больше. Пошёл веселей, открытой воды стало меньше. Но, в основном, продвигается по поймам.

Автопилот зафиксировал впереди брод, дал сигнал соображалке: мол, что делать? Форсировать по обстоятельствам!

– пришёл ответный сигнал. Мать честная! Да уже спать пора, а соображалка только проснулась! Темнеет. Сумерки. На ходу осмотрелся по сторонам. Находится в пойме, на правом берегу. Река в пяти метрах. Ивовых столбиков хватает. Они, правда, крупней сухостоин, которые вчера крушил. Ничего, жить захочешь – и с этим столбиками справишься, перегрызёшь на чурки!

Турист стал там, где шёл.

Сбросил рюкзак, снял лыжи, сразу принялся за дрова. Сушняк здесь толще, усталость – больше. Не может ломать иву на чурки как вчера друг о дружку, – сил нет. В десяти метрах от брошенного рюкзака стоят две живые молоденькие ивы. Расстояние между деревьями – сантиметров тридцать. Просовывает между деревьями сушину, налегает всем телом. Когда ломается, а когда и нет. Так что есть чурки на дрова по два метра.

Собрал труху от ломаного сушняка, завел огонь. Зачем ломать дрова, ведь можно пилить! Ножовка-то для чего? Для успокоения души. Плотницкой ножовкой в замученном состоянии пилить будешь до утра! Зато не замерзнешь.

Всё, ночь наступила. Успел дров наломать, огонь завести. Опять скажет, что вовремя стал на ночь! Шёл до упора вперед в надежде увидеть признаки цивилизации. – Ничего не увидел.

Дул в матрас с перерывами, – голова кружится от этого занятия. Матрас бросил рядом с костром. Огонь сделал большой, пока тепло. Скоро костёр опустится, наверху станет холодно.

Закипела вода в котелке, пристроенном с краю костра на горящих ивовых поленьях. Бросил в котелок последнюю щепоть чая. Попил чай без сахара с последним сухарём. Два сухарика по пути схарчил – больно кушать хотелось. Полноценный ужин после непродолжительной прогулки длиною в день!

Залез в сырой спальник мокрый человек. В данное время назвать Тимоху человеком можно с большой натяжкой. Залез в спальник в чём шёл. Достал последнюю нормальную сигарету, покурив с наслаждением. Удовольствия хватило минуты натри: всем известно, что никотин – не алкоголь, быстро выветривается с организма.

Нужно спать. Легко сказать, а сделать не получается. Не может заснуть! Ступни ног пульсируют чуть ли не до боли. Пришлось «дутьши» снять. Посмотрел наверх и ахнул: небо чистое, всё в звёздах. Красотой можно любоваться, а можно со страхом смотреть на красоту. Тимоха смотрел на красивое звёздное небо со страхом, думая о предстоящей морозной ночи.

Под утро мороз задавит конкретно. Надо встать, просушить спальник, вещи, шмотки. Откуда сил взять? На просушку уйдёт часа три минимум. В заморенном состоянии много шмоток усохнет: не уследит за процессом просушки, – значит, произойдёт процесс усушки. К тому же надо сначала сушилку сделать...

Утро вечера мудреней. С утра будет действовать по обстановке, а пока – спать. Короче, плюнул на мороз с высокой колокольни. И что удивительно – попал: дед Мороз обозлился! Совсем турист обнаглел, плюется, собака экстремальная!..

До утра дедушка ждать не стал. Этот чёртов дедушка крутился рядом, всё выжидал, когда костёр опустится. Дождлся, сволочь отмороженная. Ночь прошла ужасно! Парниша почти не спал: урывками уходил в забытие и снова возвращался в ледяную реальность. Трясло, как отбойный молоток.

В это время он должен был находиться на рабочем, тёплом месте. Что сделаешь? – Обстоятельства. Если голова не в порядке, – валим всё на обстоятельства, которые сам же создал. Здравомыслящий человек должен был с Гошей идти в Быков. Тимоха – русский, понадеялся на родной Авось. Подвёл на этот раз дружок-Авось. Авось, на работе поймут: вся бригада знает, что он пошёл в тайгу по сложному маршруту.

Звеновой, наверное, уже устроил поминки. Ему любой повод сгодится, чтоб напиться на рабочем месте! А здесь серьёзный повод: крановщик в тайге сгинул, – всё-таки нашёл то, что так упорно искал. На следующей смене узнает, что было именно так. В бригаде Тимоху знают отлично, он обязательный, когда не пьёт. Хорошо знают, что он пока завязал с употреблением спиртных напитков. Значит, если не вышел на работу, – одно из двух: больница или морг. Есть третий вариант: без вести пропавший...

Под утро ночной зимне-весенний лес наполнился звуками. Сначала сова ухала. Не часто приходится слышать уханье совы. Это в кино, – только в дремучий лес зашёл, а там стаи сов и филинов. Ухают на все лады, кто кого переухает! Сова замолчала. Заяц на сцену вышел, правда, последний раз в своей заячьей жизни. Что сделаешь? – Искусство требует жертв! Заяц заверещал на весь лес. Видно, допрыгался косою, кому-то в лапы угодил. Сове не справиться со взрослым зайцем – сова маленькая, худая, щуплая. Пера на ней больно много – от этого и кажется, что птица мощная. А заяц зверь сильный на счёт убежать. Если косою влепит сове задними лапами, – всё, отухалась птичка!..

Заяц, скорее всего, попал в лапы лисицы. Колотясь в спальнике, Тимоха облизнулся. Сожрал бы зайца с удовольствием! И того, кому косою в лапы попал, тоже сожрал бы вместе со шкурой. Больно кушать хочется!

Светает, нужно подниматься. Вот где начинается самое интересное. Гвоздь программы! Главный сюжет туристического маршрута!.. Вполне реально чуть было не замёрз. Вылез из спальника, – ох, и холодина! Надо срочно заводить огонь. Чем?

– Мелких дров нет. Дедушка Мороз красный нос, алкаш долбанный, тут как тут: хлоп! – спальник сковал, начал хватать за ноги сквозь кеды. «Аляска» жесткой стала. Мороз крепкий.

За всё время путешествия начинается первый ясный день. Если парниша будет стоять дальше как истукан, – для него этот день может оказаться последним. Что делать? Бересты нет, труха от ивовых сухостоев вся мороженная. Как назло, березы – далеко на сопке. Наст держит при аккуратной крадущейся ходьбе. Резкий шаг – корка ломается, проваливаешься

по колено в снег. Был бы топор, – настрогал щепы, завёл огонь. Ноги в кедах начали замерзать. Чтоб надеть «дутьши», их сначала надо высушить.

Долго не думал. В данной ситуации нельзя долго думать, – вредно не только для здоровья, но и для жизни. Распотрошил всю чистую, не отснятую фотоплёнку, вырвал чистые листы с туристического дневника, распилил на полоски фанерку от лопаты. Все это дело поджог. Черенок лопатки пошёл следом за фанеркой в разгорающейся костёр...

Взялись ивовые чурки. Отогрелся, «дутьши» на просушку, лыжи пристроил возле костра. Зачем сушить лыжи в крепкий мороз? Машинально поставил, – проклятый автопилот пытается с утра включиться! Попил кипяточку. Наскрёб табака на самокрутку, покурил. Все, можно выполнять предупреждения Минздрава!..

Надо собираться. Спальник топтал ногами, уминал, чтоб объём рюкзака был меньше. Народ подумает, что он из леса что-то тащит. Начнут просить. Объяснениям не поверят, жадюгой обзовут. Тимохе не понравится несправедливое обвинение. Слово за слово – и можно на нары попасть. Вот такая у него своеобразная логика. Это, кстати, реально. Наглецов в стране полно, тем более, у парниши вид дохлого, слабосильного больного человека. Над ним можно безнаказанно поиздеваться. С виду дохлый и слабосильный, на самом деле – здорово физически развит, взвинченный до предела. Пружину отпустит, не подумав о последствиях.

Спальные вещи уложил в рюкзак. «Дутьши» просохли, переобулся. Через двадцать метров пойма заканчивается, впереди прижим. Река открыта, значит, – брод. Автопилот вчера зафиксировал водную преграду. Как не хочется в крепкий мороз лезть в воду! Пристально посмотрел наверх прижима. Придется лезть в воду. – Высоко обходить, не залезет на лыжах по крепкому насту. Может, как на Долинке, разуться? Чеховка – не Долинка. Крестьянка, приток Чеховки, больше Долинки в два раза. Здесь придется не разуваться, а раздеваться. Неизвестно, сколько бродов впереди. Замучаешься разуваться-раздеваться!..

Нашёл выход. На носки надел полиэтиленовые пакеты, затем – чулки сапог, и снова пакеты. Влез в «дутьши». На них – пакеты большего размера. Следом надел по мешку из болонья. И – опять по большому пакету. Разрезал на полоски лист полиэтилена, предназначенный для накрывания палатки. Полосками обмотал упакованные ноги, закрепил тесёмками. Сто одёжек, и все без застежек! Капуста. – Неправильно, дети! Это – ноги одного туриста, у которого отсутствует голова...

Надеется, что до колен ноги от воды защитил. – На этой речке не встретил еще брода выше колен. Пока упаковал свои ноги, про лыжи забыл. Вспомнил, когда от костра потянуло горячей краской. Подскочил к яме, выдернул лыжи. Правая лыжа горит. Опять правая! Да она какая-то «левая». Задник хорошо обгорел. Лыжи придется укорачивать сантиметров на сорок...

Теперь в рюкзаке всё лежит в общей куче, в большом полиэтиленовом пакете. – Пустил на ноги все пакеты. Нашёл, что жалеть! Это у загнивающих капиталистов полиэтиленовые пакеты одноразовые. В самой счастливой, развитой стране полиэтиленовые пакеты стирают, используют до ветхости. Даже дырки на пакетах запаивают! У Тимохи пакеты собственного производства, можно сказать, были пакеты – теперь сплыли. При помощи утюга и обыкновенных газет понаделал пакетов разной величины из полиэтиленовой пленки, позаимствованной в ночное время на силосной яме в одном из совхозов. – Пришлось, вынужден был пойти на воровство! Нанести ощутимый удар продовольственной программе! Полиэтиленовой пленки в свободной продаже нет, – дачники влёт разбирают на теплицы. Одним словом, дефицит. Куда ни плюнь – кругом дефицит. Нефти – залейся, но почему-то экономят «чёрное золото». А лес не экономят: в стране девяносто процентов упаковочного материала – бумага, плюс миллионные тиражи ненужных книг про тех, кто вёл народ в никуда. Закон-

чится нефть, – придумают, найдут другой энергоноситель. Закончится лес, – ничего не придумают, всего-навсего не успеют: передохнем все, как тараканы от дихлофоса...

Ремешки креплений пришлось отпускать до предела. С трудом впихнул носки упакованных ног в центральный ремешок. Надел рюкзак, поехал до брода. Спуск к реке крут. Снял лыжи. Забыл, что на новой самопальной обуви нет протекторов, – полиэтилен скользит по снегу лучше, чем болоний! Так что в воду слетел на скорости, подняв фонтаны брызг. От неожиданности чуть не упал в речку.

Ох, ничего себе брод! – Глубина почти по пояс! «Короче, вам по пояс будет». – Кто смотрел или читал Васильева, тот поймёт, докуда или покуда глубина! Мгновенно сообразил, что спасет скорость, только скорость! – Реку перелетел, як посуху перешел. Можно сказать, сухой остался: комбинезон болониевый – с подкладом, задница только немного намокла, потому что сильно газовал! Глубокое место было у правого берега. Дальше – по колено. Летел до левого берега, выпучив глаза, не сбрасывая оборотов!..

Надел лыжи. На первом же шаге со всего маха грохнулся физиономией об наст. Покарябал нос, лоб, щеке досталось. От злости, от обиды заорал, завыл на весь лес, – пружина не выдержала, лопнула. Падение лицом на твердый снег – это уже был перебор во всех злоключениях туриста-одиночки! Нервный срыв. Стесняться здесь некого. Можно покричать, матом поругаться, повыть, поскулить...

При форсировании речки сильно намочил лыжи. – Произошло экстренное торможение. Короче, собрался ехать, а с ручного тормоза лыжи не снял! С рабочей поверхности лыж ножом очистил лёд. Утёр сопли и поехал! На широких дровах по насту – громыкает на всю округу. Позавчера жаловался на гробовую тишину. Попробовал идти пешком (площадь обуви по сравнению с кедами увеличилась минимум вдвое). Пару метров проходишь, – наст ломается, проваливаешься неглубоко, но резкие рывки неприятны. Нет, лучше ехать на лыжах.

Двадцать минут ходу по левому берегу, впереди прижим. Не доходя сотню метров до прижима, взял к реке. Русло закрыто, съехал на речку. Правый берег штурмовал на скорости, с пробуксовкой. – Не может ногами пробить наст, не пускает на берег полутораметровый, полукруглый снежный бордю. Не хочет тайга выпускать в цивилизацию! Тайга понимает, что парнише в цивилизации не место!..

На русле реки наст, что асфальт. Здесь можно идти пешком. Забросил наверх лыжи, рюкзак. Разбежался, с пробуксовкой забрался на берег. Пошёл по пойменному, кондовому ивовому лесу. А почему не пошёл по реке? – Да потому, что река по большой пойме рисует сильные, частые кривуны.

На северо-западе мелькнуло какое-то сооружение. Взял курс на объект. В уме одно: как бы закурить! Из пойменного леса вышел на большое поле. На севере, впритык к сопке, стоит здание, сложенное из шлакоблока. Странное сооружение похоже на большую кочегарку. Трубы отсутствуют, окон много. Да и что здесь обогревать, – медвежьи берлоги? С запада к зданию подходят четыре нитки провода. Три фазы, – значит, для мощных электродвигателей. Скорей всего, насосная станция. Большая территория огорожена забором с колючей проволоки. Забор на полметра торчит из-под снега. Не видно никакой жизнедеятельности. Отсутствует пробитая дорога. Короче, ни кто здесь не живёт, даже не охраняют объект.

Не стал заходить на объект, пошёл дальше. Через десять минут хода уловил до боли знакомый запах. Через сотню метров сообразил, чем пахнет: силосом пахнет, – значит, до фермы недалеко. Если, конечно, запах силоса не мерещится.

Вскоре лес закончился. Пошёл по полю, держа курс на ферму. По ходу движения откорректировал курс на сарай с раскрытыми воротами. На животноводческих фермах сарай – довольно большое сооружение. У ворот лежит куча недавно привезенного силоса и слегка парит. Именно отсюда разносится запах по близлежащим окрестностям.

Два скотника грузят силос в тележку. Завидев туриста, бросили работу. Тимоха идёт по полю прямо на них, в мыслях одно: здесь можно найти курево!..

Скотник – это тот, кто коровам хвосты крутит, пастух, по трудовой книжке – животновод. В детстве, в юности парниша тоже крутил коровам хвосты. Ни разу не встретил корову с закрученным, как у собаки-лайки, хвостом!..

Мужики не могут глаз оторвать от туриста. – Есть на что посмотреть! Таких обувок они больше никогда не увидят, рюкзак тоже диковинный для сельпо, да и в городе станковых рамных рюкзаков – раз-два и обчёлся. Физиономия у туриста покарябана, грязная, худая, небритая. Одна лыжа обгоревшая. Короче, приближающийся субъект выглядит угрожающе.

– До Чехова далеко, курить что есть? – бросил на ходу главные вопросы.

Мужики переглянулись. Турист подошёл вплотную. Эти скотники, оказывается, моложе его.

– Пять километров до города. А ты откуда? – спросил паренёк, протягивая открытую пачку сигарет «Родоппи».

Круто здесь скотники живут, – курят цивильные сигареты! Молодые ребята, им бы учиться, а они коровам хвосты крутят. Спиваются потихоньку. Если посмотреть с другой стороны, – если все пойдут учиться, – где брать молоко, картошку и всё остальное, без чего не может быть жизни? Какой-то процент должен спиваться. Это заложено в основе государства...

Здесь Тимоха неправ. Совсем скоро половина трудоспособного населения страны не будет учиться, не будет работать. Не будут производить товары и продукцию, – будут торговать, охранять и воровать. Молоко, картошку и всё прочее Китай подгонит по сходной цене!..

– С Фирсова иду! – с гордостью ответил парниша.

– Откуда? – переспросил парень.

– С Фирсова, – медленно, чуть ли не по слогам повторил турист, прикуривая сигарету. – А что здесь за ферма?

– Нечего себе, ты даёшь! Ферма здесь совхозная, посёлок Куйбышево.

– Какой посёлок? – настал черёд ему удивляться.

– Куйбышево, северней Чехова, и Новосибирское есть.

Парень подумал, что турист удивился названию посёлка. Нет, удивился существованию посёлка! – На картах на реке Чеховке нет никакого Куйбышева! Вот такие карты у населения на руках. Может, здесь коровы секретные? Стоп. А может, это не Чеховка? От этой мысли стало так плохо, гораздо хуже, чем когда лицом об снег после глубокого брода! Здесь выть нельзя – коров жалко!..

– Слушай, а как эта речка называется?

Ребята снова переглянулись. Взялись за ручки тележки, покатали силос в сарай.

– Чеховка речка называется, – бросил на ходу парень, стараясь быстрее увеличить разрыв. Намеревался поговорить, расспросить. По последнему вопросу понял, что лучше уйти как можно дальше от туриста-одиночки!

Тимохе стало так хорошо – ну, просто слов нет! Сигарета «Родоппи» для него – что для слона дробина. Следом за первой закурил вторую. Только теперь встало, голова кругом пошла. – Зацепил никотин. Может быть, Минздрав и прав?..

Положил лыжу на снежный бархан, сделанный бульдозером. Уселся, пришёл в себя. Ножом распаковал ноги. Лыжи засунул в чехол, от них за версту несёт гарью. От кого еще больше гарью несёт: за шесть дней возле костров прокоптился насквозь! Аккуратно

обтёр лицо снегом, обходя поцарапанные места. Надо умыться, – как никак в цивилизацию вышел!..

Пошёл по дороге, идущей на запад, на выход с территории фермы. Совхоз маленький, всего лишь три сарая с коровами. Вышел на хорошо накатанную, грязную дорогу, идущую сверху, с севера на юг в самую деревню, которая расположена в низине у реки. Наверху дорога повернула на запад.

На обочине дороги с правой стороны возле сопки стоит одинокий дом. Он-то и нужен! Магазин – смешные товары. Букву Ж сменим на букву Ш. Везде, по всей стране, в деревнях эти магазины «смешных» товаров. Эти магазины первыми почувствовали плоды перестройки: если в городских магазинах что-то ещё можно купить нужное, – в сельпо заходишь и смеяться хочется, а местным жителям – плакать...

Пока что не голодные, – на прилавках кое-что есть. Всё ещё впереди, осталось совсем немножко... Купил пачку «собачей радости» – так прозвали сигареты «Лайка». Они с фильтром, гораздо крепче «Родоппи». Сигареты «Родоппи» редко бывают в свободной продаже. Сигареты «Лайка» – даже вон, в сельпо лежат. Также купил две плитки шоколада «Особого» местного производства. Южно-Сахалинский кондитерско-макаронный комбинат производит отличные конфеты и шоколад!..

Вышел с магазина и растерялся. С чего начать? С шоколадки или сигарету выкурить? Не зря говорят, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. – Голод поборол привычку. Это естественно. Когда брюхо забил, можно и покурить, и полюбить и прочие другие «и». Но сначала – брюхо. Конечно, грубо выражается в своих разглагольствованиях: злой потому что и какой-то взвинченный. Всё-таки прошёл, попал куда надо. – Так почему молчит?

– Ура! Я победил! – заорал во всё горло и обернулся на магазин.

Хорошо, что некого нет. Не забывайтесь, товарищ, – не в лесу: посёлок Костромское совсем рядом. Потихоньку пошёл на запад, жуя шоколад. – Обманывает: глотая шоколад, не жуя! Прошло три минуты, как вышел с магазина, – уже принялся за вторую стограммовую плитку шоколада. Разве так жуют?..

По дороге в сторону Чехова идёт «ЗИЛ-130» самосвал. Турист поднял руку, грузовик остановился. Лыжи в кузов, рюкзак в кабину, – поехали.

За рулём – кореец лет тридцати. Пять километров до Чехова ехали минут двадцать. Тимоха рассказывал водителю, как шёл с Фирсово. Мужчина попался эмоциональный, в лесу не новичок. Выражал свое удивление словом с приставкой «ну!», а дальше – не переводится. Стучал руками по баранке, два раза останавливал машину. Довёз до вокзала посёлка Чехова.

Посёлок Чехов многие называют городом. Что сказать про посёлок-город Чехов? – Тимоха в этом посёлке впервые. Чехов относится к Холмскому району. На поверхностный взгляд того, кто здесь впервые, данный посёлок больше города Долинска. Есть свой небольшой порт местного значения, шахта угледобывающая, ликёроводочный завод. Продукция завода считалась самой лучшей на острове. Нарасхват было что пиво, что водка «Чеховская». Пиво, правда, любое было нарасхват, испокон веков. Мало производили профсоюзного напитка. Чем, интересно, занимается завод в данное время? – Скорей всего, простаивает и потихоньку растаскивается. Зачем непьющей стране нужны ликероводочные заводы?..

До прибытия поезда Ильинский-Южно-Сахалинск три часа. Кстати, тоже скорый-экспресс до областного центра ползёт семь часов. Дизель-поезд бежит три часа. Столовая в сотне метров от вокзала. Нужно покушать.

Понабрал блюд на два подноса. Однако, дорогая столовая, – отдал около пяти рублей. Уселся за стол. «Что я наделал, зачем столько набрал?» – подумал оголодавший. Народ на

него косится, как раз время подходит к обеденному перерыву. От него гарью несёт за версту, морда поцарапана, бровей нет, небритый.

– Самому страшно на себя смотреть.

Такой тип уселся один за полностью заставленный стол. Здесь хватит еды на четверых здоровых мужиков. Сожрал всё до последней ложки, до крошки, – ничего не оставил! Женщина на кассе наблюдала за парнишей с нескрываемым любопытством.

Расположился за столиком рядом с кассой. Предпочел бы столик в укромном уголке, но в столовой народу хватает, – свободным был самый неудобный столик, рядом с кассой. Женщина, наверное, думала, что молодой человек с товарищем. А Тимоха – за себя и за того парня. Мелкий, подростковой комплекции молодой человек за короткий промежуток времени столько провизии забросил внутрь! – Кассиршу, наверное, охватил ужас. Каких же размеров солитер сидит у него внутри?..

Вышел на улицу, покурил. В Чехове воды полно, а он в «дутьшах»! Шутка чёрная над самим собой. Ох, эти «дутьши»! Додумались, великие таёжники. Зашёл в магазин, купил ещё две плитки шоколада «Особого», – правду говорит! До прибытия поезда скушал шоколадки, – уже не проглотил и даже не сожрал: кушал, наслаждаясь вкусом шоколада.

Билет взял в купейный вагон. Спать, правда, не смог. Чай распивал, за семь часов пути в буфете взял с десятков пирожков и скушал. А спать – никак. Сегодня заступать в ночь. Придётся, наверное, кран сломать, чтоб не работать. Вот и закончился маршрут, который преодолел с четвёртой попытки. По правилам туриста-экстремала маршрут закончился, когда сел в кабину сто тридцатого «ЗИЛа»...

На работе прогул не поставили – с пониманием отнеслись. Правда, бригадных за месяц лишили. Да лучше бы прогул поставили! Такое понимание Тимохе непонятно! Бригадные – это в месяц сотни две с половиной минимум! А премиальные, которых бы за прогул лишили, – всего лишь рублей полста...

Часто упоминает о деньгах, о стоимости той или иной вещи. Мелочный человек? – Нет, на деньги нежадный, потому что у него их не было и никогда не будет! Называет цены, чтоб можно было сравнить: как было и как стало. Что, мол, не только плохое было при коммунистах, а было много хорошего. Финансовая сторона в любом деле – серьёзное дело. Без денег ты никуда и никто!..

После данного маршрута без топора в лес не ходит. Вдвоем, втроём идут, у каждого по топору есть, – он всё равно берет свой топор! И никто его не отговорит. В «дутьшах» в лес – ни ногой! Только в болотных сапогах. Продукты берутся с суточным запасом минимум. Собрал специальный набор лыжника: пассатижи, отвёртка, гвозди, саморезы, ремешки, проволока...

Продвигаясь по тайге, станет периодически снимать или подбирать бересту, которая под рукой, и – в карман. Это войдёт в привычку на всю жизнь. Стал смотреть на вещи, связанные с тайгой, с туризмом, как-то иначе. – Что-то произошло в душевном состоянии... Повзрослел? – Да давно уже пора. А может, сдал экзамен на выживаемость? Лес его принял, сделал своим? – Да, вроде, с детства в лесу был не чужим...

У Тимохи было и будет много разных маршрутов. Даже будет двадцатидневный маршрут в одиночку по центральной части острова. Фирсово-Чехов – это самый лучший его турпоход. Те три дня, которые прошёл в одиночку!..

Что интересно: после маршрута ну, хотя бы разок чихнул! Он вообще-то парень морозостойчивый. В детстве ангиной часто болел, простывал. – Это в порядке вещей, закономерность, скажут многие, – в детстве почти все болеют. Можно с этим согласиться. Многим водные процедуры, которые турист-одиночка принимал во время движения, продвижения к посёлку Чехов, здоровье бы попортили основательно, надолго, а, может, и навсегда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.